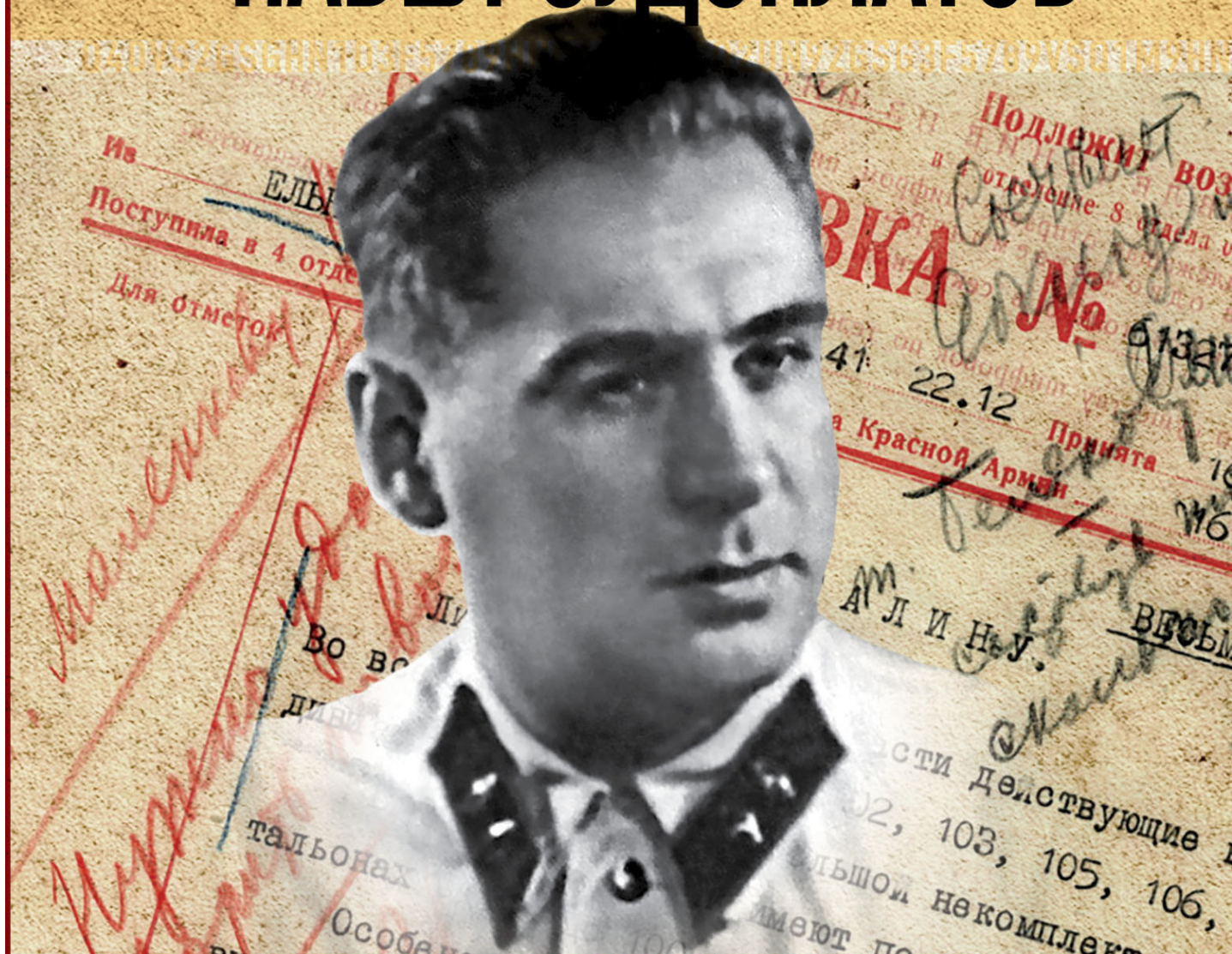

GHN1DANONMIEGMYAPYEPOMDGRIFOMV02VSD1M
D3F5789N1DVSD1MD2NU<CEKPESTHO>WIEG3F5789HNRSG3F57

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

ПОБЕДА В ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

1941-1945 ГОДЫ

Мемуары под грифом «секретно»

Павел Судоплатов

**Победа в тайной
войне. 1941-1945 годы**

«Алгоритм»

2018

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Судоплатов П. А.

Победа в тайной войне. 1941-1945 годы / П. А. Судоплатов —
«Алгоритм», 2018 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906995-98-8

Книга генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова, одного из руководителей службы разведки и диверсий, которого с приходом к власти Н.С. Хрущева оклеветали как нежелательного свидетеля и на долгие годы вычеркнули из истории органов безопасности, рассказывает о неизвестных ранее эпизодах и секретных операциях советских разведчиков во время Великой Отечественной войны, о противодействии немецким спецслужбам, о ядерном шпионаже, о непростых отношениях разведок и контрразведок бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906995-98-8

© Судоплатов П. А., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1. Канун войны	7
Уязвимость внешней разведки накануне войны	10
Иерархическая пирамида	12
Ведущее направление – немецкое	13
Иностранцы-спецагенты	17
Где досье Рамона Меркадера?	19
Разделение спецслужб	28
Новые приоритеты	30
Три направления	32
Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении	36
Кто первым протянул руку?	36
Связь с Рузвельтом через Бенеша?	41
Не только торгпред, но и эмиссар	45
Дипломат и разведчик	46
Обвинен в двойной игре	48
Глава 3. Зимняя война на севере	49
Секретный диалог	49
Секретный зондаж Рыбкина	51
Уроки войны с Финляндией	55
Глава 4. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах	57
Соприкосновение с вероятным противником	57
Разразился скандал	61
На незнакомой территории	62
Януш Радзивилл	65
Между Москвой и Западом	68
Глава 5. События на Балканах	75
Беседы с послом Югославии Миланом Гавриловичем	75
Дверь для тайных переговоров открыта	79
Глава 6. Немецкие спецслужбы накануне войны	82
Кто руководил немецкой разведкой	86
Немцы и «мусульманский фактор»	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Павел Судоплатов
Победа в тайной войне, 1941–1945 годы

© Судоплатов П.А., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

От автора

Предлагаемые воспоминания – плод не одного года. В них – моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимоходом Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. Почему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века – Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило по линии ЦК КПСС, имели значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы – В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым – документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неугодных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности, развеять их, снять ненужные наслоения – в этом тоже я вижу свою задачу. Это не простая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций Советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

Глава 1. Канун войны

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителем Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП (б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, – говорил Берия. – Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии – провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, – продолжал он, – поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, – говорил Берия, – что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дуроломов в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это будет выгодно. Эту задачу будут решать наши послы-резиденты Панюшкин и Уманский».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции, где советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал нарком, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране, – продолжал Берия, – будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен будет заниматься поддержанием особых отношений с Бенешем в Америке. Имейте в виду, – наставлял Берия, – что Уманский уже выполняет ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает товарищ Сталин».

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала Советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не стал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Что в этой ситуации моя судьба и мое имя? Его превратили в разменную монету в стремлении растоптать все наше прошлое, полностью зачеркнуть громадное военное и политическое наследие, которое дает материальные основы нынешней жизни страны. «Демократы» собственную грызню и борьбу за власть, передел собственности прикрывают лозунгами свободы, борьбы со сталинизмом и преступлениями КПСС. На щит поднимают террористов, подручных Гитлера – Коновальца, Шухевича, агентов-двойников, шпионов, перебежчиков, националистов, уничтоживших еврейское гетто в Литве, жертвами которых стали тысячи советских людей.

На этом фоне бесполезно апеллировать к руководству КГБ или СВР. Оно трусливо выжидает развития событий. Пресса, спекулируя на событиях трагичного прошлого, намеренно не замечает разнuzданной волны уголовного и политического террора, которая захлестнула Россию и другие территории прежнего СССР. Оправдываться за пройденный путь мне ни к чему, да и не перед кем, особенно когда работу по реабилитации жертв политических репрессий возглавляет бывший член политбюро А. Яковлев, ставший академиком и доктором наук на лаврах идеологической борьбы с американским империализмом и к тому же в 1966 году явившимся соавтором сценария судебной расправы над «идеологическими врагами – клеветниками-анти-советчиками» Синявским и Даниэлем.

Для меня один выход – написать книгу-исповедь для широкой аудитории у нас в стране и за рубежом, чтобы зафиксировать навечно в качестве первоисточника те реальные героические и трагические испытания, которые выпали на нашу долю. Я хочу, чтобы люди поняли, что демонтаж нашей военной мощи, расхищение экономических ресурсов, дискредитация и ликвидация органов разведки, безопасности, охраны правопорядка обернутся бедствиями и нищетой для миллионов.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас выходит много различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, – каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике да и в литературе существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ВЧК после Гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях Гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление (ГПУ). Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого – подавление политической оппозиции и укреп-

ление Советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ВЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В 30—50-е годы XX в. без соответствующего заключения ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом (КРО) ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей считала главным направлением своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания Наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершён. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевойскового союза (РОВС). Он полностью был дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в 30-х годах по руководителям ОУНа и РОВСа, последовательно спецслужбы СССР лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Уязвимость внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов – полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, – были огромными, несопоставимыми с правами послов 40—50-х годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых Советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в Советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, Наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее Генерального секретаря, первый полпред СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в 20—30-е годы функционировали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной Армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи – нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце 20-х – начале 30-х годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени – соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем, например, судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной Армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с М. Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Я. Блюмкина М. Трилиссер был заменен старым чекистом С. Мессингом. В январе 1930 года его заместителем стал А. Артузов. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение 20-х годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела были признаны создание надежной агентуры, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОПТУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной Армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной Армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранний отдел ГУГБ НКВД, Разведуправление Красной Армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН), которую возглавлял Я. Серебрянский («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. В 1935 году Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве научного сотрудника на правах заместителя начальника Учетно-регистрационного отдела.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной Армии руководил старший майор госбезопасности С. Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время подразделение в системе военной контрразведки, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е Управление НКВД – НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД— НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Иерархическая пирамида

В канун войны произошло очень важное, но мало кем замеченное событие – персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях Советского государства: Сталине и Молотове. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача – поставлять руководству не анализ разведданных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД—НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством либо касались вербовки особо важных деятелей и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство Наркомата внутренних дел или Наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и Наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов – заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах, был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной Армии имел в отличие от начальника разведки НКВД – НКГБ в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД – НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями – Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Ведущее направление – немецкое

Ведущими оперативными подразделениями в НКГБ накануне войны были: 1-е – Разведывательное управление (РУ), 2-е – Контрразведывательное управление (КРУ), 3-е – Секретно-политическое управление (СПУ) и Управление особых отделов. Военную разведку тогда осуществляло 3-е Управление Наркомата обороны СССР.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки (НКО) являлось немецкое.

Главной задачей в работе Секретно-политического Управления по-прежнему было разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и итальянской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая также считалась одним из главных наших противников. Отдел занимался также отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников – главным образом, действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое. Второе – связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье – нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке. Агентурная разведка велась и в государствах Ближнего Востока.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что Контрразведывательное управление и Управление военной контрразведки, а также подразделение, отвечающее за обеспечение безопасности на транспорте имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило Главное Управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе.

Это смешение функций очень отчетливо проявило себя в том, что информация, поступавшая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, Управление пограничных войск в 1941 году вообще не входило в структуру органов госбезопасности. Это удлиняло сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся оперативная информация.

Весь объем информации спецслужб позволял сделать два однозначных вывода: во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий.

Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать на случай войны остатки антисоветских политических партий и организаций – основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с Советским государством.

Еще одно направление в работе СПУ имело первостепенное значение – не допустить вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыг-

рала очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных выступлений в поддержку немцев в нашем тылу, за исключением Прибалтики и Западной Украины, за период войны не произошло. По учетам НКВД, основные лица, которые потенциально могли сотрудничать с противником, были известны.

Тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служили свыше 400 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использования этой силы в массовом порядке против Советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годы. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника Иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Несколько слов о военной контрразведке. Первоначально 4-й (Особый) отдел ГУГБ НКВД, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков – выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берия в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берия заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении «врагов народа», и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений выдвинутым обвинениям. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности А. Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов и заместитель начальника 2-го. (Контрразведывательного) управления НКГБ Н. Сазыкин. Бочков стремился «замять» это дело. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приобрело политическую окраску. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил А. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было не просто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков – сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной Армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной Армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник Отдела политических репрессий Администрации Президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной Армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызвала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существовала во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Л. Райхмана, П. Федотова, А. Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК – НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркоме внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркоме внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие

сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД – НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее безопасность на железнодорожных и водных коммуникациях, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил Секретнополитическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычайной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтрразведка, возглавляемая А. Копытцевым, И. Шевелевым и В. Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них – В. Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из Наркомата внутренних дел. Наркомом стал Меркулов, первыми замами Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы с 1943 по 1945 год Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Иностранцы-спецагенты

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее 20—30-е годы? Становление Советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной Армии, ИНО ОГПУ – НКВД и Особой группы Серебрянского.

Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшего польского офицера И. Сосновского («Сверщ») в Контрразведывательном отделе ОГПУ, еврея из Трансильвании Я. Бодеско-Михали в КРО. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Малли («Манн»), словацкий еврей А. Дейч («Отто», «Ланг»). Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер – участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» – документов прикрытия для советских нелегалов в 30—40-е годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам – мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта – Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник Иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной Армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в 30-е годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки.

На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы.

После того, как Советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому.

Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Малли, погибший в 1938 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту.

Ни К. Филби, ни Д. Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры.

Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в 30-е годы и которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения (ШОН) внешней разведки. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового

кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппаратов военной разведки и органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра.

Этот период начал завершаться при Артузове в середине 30-х годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине 30-х годов связан был с заведением пространных дел. И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как К. Филби, Д. Маклин, Г. Берджес, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки применительно к группе «Кембриджской пятерки», временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого и невозвращенца А. Орлова-Никольского, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом».

В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбежав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого специалиста, имеющего опыт разведывательной работы, является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджес лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой «Кембриджской пятерки» имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом – Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» – мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке, В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до 80-х годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Где досье Рамона Меркадера?

В самый канун войны, по-моему, 16 июня 1941 года временно возглавлявший работу по эмиграции в нашем разведуправлении НКГБ года И. Агаянц вынес постановление о завершении операции в отношении руководства троцкистского Интернационала. Это было символично. Сталин и Берия ставили перед разведкой задачу к началу войны закончить операцию «Утка».

20 августа 1940 года Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого. Однако прошел почти год, прежде чем Н. Эйтингон, руководивший в Мексике этой операцией, и мать Рамона Каридад Меркадер-дель-Рио («Мать», «Клавдия») оказались в Советском Союзе, что дало возможность подвести итоги этой операции не по сообщениям агентуры, а в ходе личного обмена мнениями.

Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, а довести его до полного краха. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перейти на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии.

К ликвидации Троцкого наряду с группой «Мать» Эйтингон привлек проверенные кадры нашей агентуры из Испании, эмигрировавшей в Мексику. Там же в изгнании находилось республиканское правительство. Именно Эйтингон с большим риском для жизни провел операцию по выводу руководства испанских республиканцев и компартии весной 1939 года во Францию. При этом в дополнение к вывезенному в 1936 году испанскому золоту удалось эвакуировать из Барселоны значительные средства в валюте и драгоценностях. Они затем были использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и ряде стран Латинской Америки.

В 1940 году было принято решение об укреплении нелегальной работы в Америке. Иногда почему-то неправильно истолковывается период между 1939 и 1940 годами, как время прекращения разведывательной работы в США. Да, действительно, из США были отозваны И. Ахмеров («Бил») и его помощник Н. Бородин («Гранит»). Но одновременно туда был послан вместе с И. Григулевичем («Юзик») в качестве нелегала опытный разведчик, прошедший большую школу в боевом аппарате Особой группы Я. Серебрянского, только что восстановленный в кадрах разведки после ареста, Константин Кукин («Игорь»), особенно отличившийся в годы Великой Отечественной войны, причем на ее самых острых перекрестках. Именно Кукин, П. Пастельняк («Лука»), Г. Овакимян («Геннадий») в 1939, 1940 и 1941 годах заложили совместно с Эйтингоном и Григулевичем прочный фундамент для успешной деятельности нашей разведки на американском континенте.

После 20 августа 1940 года мать Меркадера вместе с Эйтингоном первоначально укрылись на Кубе, где у семьи Меркадеров были надежные родственные связи. Григулевич, сменив документы, вынужден был уйти в подполье и легализоваться в США. Потом Каридад и Эйтингон также перебрались в США, вначале в Нью-Мехико, а затем в Сан-Франциско.

В 1941 году в США очень сильно ужесточился контрразведывательный режим. В то время мы получили важную информацию из американского Минюста и Федерального бюро расследований от источника, близкого к американским правительственным кругам, о том, что в США разработана целая программа профилактических мер по изоляции как пронацистских, так и прокоммунистических элементов в случае войны и введения чрезвычайного положения. Программу стали активно проводить в жизнь в связи с началом Второй мировой войны. Это была только часть крупных мероприятий, которые американцы затем осуществили в 40-е годы.

Тогда были депортированы японцы и интернированы лица, связанные с немецкой нацистской колонией.

Наша агентура, в особенности группа «Дяди» в Калифорнии, имевшая прочные связи с негласным аппаратом КП США, оказалась в поле зрения американской контрразведки. Поэтому было принято решение о переброске Григулевича в Латинскую Америку, как говорили, на периферию, «в деревню». Тогда было две так называемых деревни: ближняя – это Мексика, дальняя – Канада. Но пребывание Григулевича в Мексике после ликвидации Троцкого было бы слишком рискованным. Наши связи среди испанских эмигрантов и актива профсоюзов были частично отслежены местной контрразведкой. Она, правда, не имея доказательств о причастности к убийству Троцкого, никого из подпольного агентурного аппарата не могла задержать, но часть группы Сикейроса все же была арестована местной полицией. Поэтому Григулевич с помощью сотрудников нашей резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке был переброшен в Буэнос-Айрес. Здесь его застигла война.

Когда Эйтингон и Каридад в конце мая 1941 года вернулись поездом Харбин – Москва, я встречал их на Казанском вокзале. По поручению Берии, который принял Эйтингона и Каридад вместе со мной у себя в кабинете, я представил для ЦК партии на полутора страницах рукописный отчет о ликвидации Троцкого. Берии, видимо, это необходимо было для доклада Сталину.

Почти за год до этого в августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я также направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон вернется домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, а также для оплаты его адвокатов.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

Досье «Утка» хранилось у меня в личном сейфе. Но после 20 августа 1940 года одновременно с докладом и рукописным рапортом все документы забрал Берия. Затем дело «Утка» вообще изъяли из оперативного пользования. Только после ареста Берии, когда прокуратура заинтересовалась телеграммами, адресованными «Тому» (Эйтингону) от имени «Павла» (псевдоним Берии), мне стало ясно, что проверке подвергаются и эти материалы. Однако на этом путешествие досье не прекратилось. Оно не вернулось в разведку, а оказалось в общем отделе ЦК КПСС, а потом в Президентском архиве.

Когда Рамон попал в тюрьму, дважды поднимался вопрос о его побеге или о досрочном освобождении. Один раз при мне в 1943 году, второй – в 1954, почти десять лет спустя. Тогда речь шла об освобождении его под залог, даже продумывали ходы насчет взятки министру юстиции Мексики. Но когда начальник внешней разведки КГБ А. Панюшкин, как рассказывал мне один из ветеранов нашей нелегальной разведки, пошел вместе с ним докладывать председателю КГБ И. Серову об этих планах, тот их выгнал, сказав при этом, чтобы к нему не приставляли со старыми сталинскими делами. Он собирался вообще закрыть это дело. Но сделать это было невозможно, поскольку оно находилось на контроле в ЦК партии и судьбой Рамона интересовалось руководство испанской компартии. По нему, во всяком случае так было при Сталине, существовала отчетность: о судьбе разведчика, находящегося в заключении, докладывалось высшему руководству.

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад Меркадер и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с

орденами. Каридад и Эйтингон получили орден Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени. Такой орден был у меня уже вторым.

Приезд Эйтингона почти совпал с днем рождения моего старшего сына Андрея. Мы отмечали его на даче веселой компанией. Были Н. Мельников и Эйтингон с женами. На день рождения пригласили и Каридад. Она привезла нам в подарок большое китайское блюдо. При встречах и в беседах Каридад говорила о своем желании продолжить революционную борьбу. Но мы трезво оценивали ее возможности. По-прежнему в подвешенном состоянии находился вопрос о судьбе Рамона, и ее самопожертвование было для нас совершенно неприемлемым. Поселили ее в доме на Садовой улице, но чувствовала она там себя неуютно. Ее, конечно, можно было понять: хотя материально она и ее семья были обеспечены, обстановка в Советском Союзе не шла ни в какое сравнение с Западом, к которой она адаптировалась. Каридад мечтала о другой жизни. После приезда в Москву она встретилась с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. Была составлена большая программа ее ознакомительной поездки по Советскому Союзу, а затем отдых в Грузии.

На Рамона и его семью – на Каридад Меркадер, сестру Монсерат, братьев Хорхе и Луиса – были заведены в КГБ учетные карточки, по которым им выплачивалось денежное содержание. Для них это был единственный источник существования. С Луисом история особая. Он приехал в СССР в возрасте 15–16 лет, находился на моем личном попечении, окончил Московский энергетический институт, стал профессором. В годы войны он был в бригаде особого назначения, работал в Управлении по делам военнопленных в качестве переводчика при допросах пленных, хотя военнопленных из испанской «Голубой дивизии» было мало. Другие родственники этой большой семьи жили за границей. Хорхе попал в немецкий концлагерь и был освобожден нами в 1945 году.

Луис после смерти Рамона переехал в Испанию, где получал пенсию как участник войны, льготы и денежное содержание, связанные с профессиональной деятельностью.

Каридад была единственной из сотрудников советской разведки, которая 9 мая 1945 года, как «Клавдия», получила персональную телеграмму от Берии за подписью «Павел» с поздравлением по случаю Дня Великой Победы, в которую она и ее дети, участвуя в антифашистском сопротивлении, внесли достойный вклад. Там же сообщалось, что Хорхе освобожден из фашистского концлагеря. Депеша была вручена Каридад нашим резидентом в Мексике Г. Каспаровым.

До разведки, правда, с большим опозданием, в 1995 году, дошли письма Эйтингона, которые были подшиты в досье Рамона Меркадера. Адресовались они лично Ю. Андропову, Эйтингон писал, что из-за незаслуженно предвзятого отношения к нему недостаточно оказывается внимания Рамону, этому заслуженному работнику советской разведки, который тяжело болен и нуждается в медицинской помощи и поддержке. На письме резолюция Андропова: «Встреча с работниками показала, что внимание оказывается, нет оснований беспокоиться». И тем не менее, Наум Эйтингон до последних дней своей жизни проявлял о Рамоне трогательную заботу.

Кстати, в отношении всей этой эпопеи и судьбы Эйтингона имеются очень большие неточности и расхождения в публикациях. Когда мне позвонил Дмитрий Волкогонов и попросил прояснить ряд моментов, связанных с троцкистским движением, я обратился к председателю КГБ Владимиру Крючкову. Приехавшие сотрудники КГБ сообщили, что досье Меркадера исключительно скудное, в нем нет никаких данных об оперативной разработке, о его пребывании в Мексике, связях и т. д. Как оказалось, все документы прочно осели в личных архивах председателей КГБ, ходу им не давали. Поэтому даже те, кто опекал Рамона, были знакомы с его биографией в самых общих чертах. Закрытость способствовала распространению мифов о его семье, о том, что советские органы якобы держали «в заложниках его младшего брата и сестру», которые на самом деле проживали в Париже.

Получили также распространение сплетни о якобы интимных отношениях Каридад Меркадер и Эйтингона, о том, что будто бы на этой основе Рамон принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Я несколько раз писал Волкогонову, интересовавшемуся этим делом, по поводу вздорности измышлений, запущенных в оборот перебежчиком Н. Хохловым. Ведь мало кто знает, что Эйтингон по делам троцкистов работал за рубежом с оперативной женой, старшим оперуполномоченным ИНО Александрой Кочергиной – «Шурой». И именно она привлекла к сотрудничеству с нами Каридад. Кочергина прекрасно знала и поддерживала отношения еще во Франции с Рамоном. Каридад и «Шура» дружили семьями и в Москве в 40-е годы. Измышления об «интимных» отношениях Эйтингона с семьей Меркадеров сознательно запускались и у нас, и на Западе с целью очернить этих незаурядных людей, внесших существенный вклад не только в ликвидацию злейшего врага Советского Союза, но и в борьбу с фашизмом в трудное предвоенное время.

Надо отметить, что отношение к агенту, который честно выполнил свой долг, внимание к нему после того, как надобность в оперативном его использовании отпала – это исключительно деликатный вопрос. Мне рассказывали, как тяжело проходили встречи с Каридад Меркадер в Париже, когда в середине 50-х годов передавались деньги на поддержку ее семье. Наши оперативные работники, поддерживающие связь с семьей, зачастую были в неведении относительно всех обстоятельств, но интуитивно чувствовали, что судьба Меркадеров замыкается «на верхи». И надо отдать должное руководству КГБ в 60-е годы, оно свой долг, свои обязательства в целом выполнило. Несмотря на то, что мы с Эйтингоном в это время находились в заключении, Рамону 6 июня 1961 года была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Что же касается его трудоустройства, то, если бы не подключились товарищи из ЦК Испанской компартии, в частности, Луис Балагер и Долорес Ибарури, возможно, ситуация с ним была бы достаточно сложной. По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибарури Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где он вел творческую работу, связанную с историей гражданской войны в Испании.

Ко времени освобождения Рамона страницы истории гражданской войны и операций советской разведки в Испании стремились побыстрее закрыть. Интерес к испанским событиям возник лишь после 1964 года, когда стало ясно, что эра франкизма заканчивается и нужно думать о восстановлении наших позиций в этой стране. Однако именно в конце 60-х годов, как мне говорили ветераны нашей разведки, было принято решение отказаться от использования старого агентурного аппарата, контактов и связей. Причина была весомая: это история с испанским золотом и побег Орлова-Никольского, который уже давал показания в комиссии по антиамериканской деятельности. Приходилось считаться и с тем, что значительная часть агентуры, возможно, была американцами расшифрована.

Служба внешней разведки России провела в 1992–1994 годах активную операцию по публикации на Западе и у нас книги об А. Орлове-Никольском «Роковые иллюзии». В ней он выведен как герой, противник Сталина, не выдавший врагу известную ему советскую агентуру. У меня же все это вызывает, мягко говоря, скептическую реакцию, о чем неоднократно говорил сотрудникам СВР. Какая надобность перед молодым поколением работников разведки поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США. Вообще для любой спецслужбы вне зависимости от исторических условий ее деятельности крайне вредно для воспитания молодого поколения демонстрировать сочувственное отношение к любому перебежчику, какими бы мотивами и обстоятельствами это ни объяснялось. Любая разведка непримиримо относится к таким фактам. Авторы книги утверждают, что сотрудничество Орлова с американской контрразведкой было неискренним, что он не раскрыл важнейшую агентуру – «Кембриджскую пятерку». Она действительно не была им расшифрована, но только потому, что Орлов боялся быть при-

влеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом по понятным причинам он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Орлов был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Орлов, безусловно, повел себя как предатель. В обмен на гражданство и роль консул-танта он «сдал» американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы. Станным мне кажется изложение разговора с ним сотрудника КГБ в США в 1960-е годы. Невозможно себе представить, чтобы он говорил Орлову о моей и Эйтингона реабилитации. Во-первых, это не соответствовало действительности, во-вторых, советским разведчикам было категорически запрещено в 1953–1990 годах обсуждать судьбу Судоплатова и Эйтингона, а также их работу с кем-либо из агентов или даже эпизодических контактеров за рубежом.

Заклячая эпопею «Утка», следует, однако, сказать, что, когда американские контрразведывательные и разведывательные органы активно занялись советской агентурной сетью в Мексике, они вышли на наши позиции и контакты с лидерами испанской эмиграции. Возможно, в какой-то мере это было связано с небрежностью работы нашего агентурного аппарата. Я же считаю, что в значительной степени это обусловлено предательскими действиями перебежчиков, указавших на наиболее очевидные контакты советской разведки с испанскими республиканцами, такими деятелями, как Идальго де Сиснейросом и Х. Эрнандесом – министром республиканского правительства, одним из основателей испанской компартии, на плечи которого легли все тяжести, связанные с эмиграцией в Мексике.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. Здесь жила в 1939–1942 годах его невеста, которая умерла от туберкулеза.

В Москве Меркадер был принят Председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза. Однако когда некоторое время спустя Меркадер попросил о встрече с новым руководителем КГБ В. Семичастным, ему было отказано.

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол». Ему и его жене предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Он получал деньги от ЦК и КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от А. Шелепина, а затем от В. Семичастного, чтобы Эйтингон и я были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед М. Сусловым. Член Политбюро Суслов не был тронут этим заступничеством. Однажды в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер обратился лично к нему, Михаил Андреевич заявил: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Из тех, кто когда-то был связан с Меркадером по работе, единственным не подвергшимся репрессиям оставался Л. Василевский, хотя его и исключили из партии. Он вступился за Меркадера – и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих осиротевших детей друзей Рапана: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и в разговоре со мной сказал:

– Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву. Вдова Меркадера пыталась связаться со мной, но в то время меня не было в Москве. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и в период гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин, да и мы не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имели под собой реальную почву.

Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу в 1990–1991 годах был нанесен именно группой бывших руководителей партии.

Первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата». Смертельную угрозу для сохранения режима советской власти всегда таила в себе опасность раскола правящей партии.

Сын Троцкого, Лев Седов (в оперативной разработке «Сынок»), носивший фамилию матери, находился под нашим постоянным наблюдением. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Мы располагали в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл М. Зборовский (подпольная кличка «Этьен», он же «Тюльпан»). О нем подробно написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел нас на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это при помощи своего агента «Гарри», находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге «Троцкий» Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита. Доподлинно известно лишь то, что «Сынок» умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем С. Шпигельглаз,

докладывая наркому Н. Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов, правда, комментировал сообщение словами: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» Шпигельглаз не собирался спорить с наркомом, который постарался приписать заслугу «убийства» Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда мы с Эйтингоном обсуждали у Берии план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе.

После ликвидации Троцкого часть агентуры, завербованной Эйтингоном, и другие привлеченные к его сети лица, действовавшие в Соединенных Штатах и Мексике, были законсервированы, и их использование могло быть осуществлено только с санкции Берии. Эта расширенная сеть агентуры впоследствии сыграла важную роль в выходе на круги ученых, работавших над американской атомной бомбой. Наши нелегалы с фальшивыми документами, не занимавшие никаких официальных должностей, обосновались в США еще в конце 20-х и начале 30-х годов. Их главной задачей было поступить на такую работу, где можно иметь доступ к научно-технической информации и военно-стратегическим перевозкам на случай войны с Японией.

Документы и отчеты по ликвидации Троцкого до сих пор хранятся в Президентском архиве и в личных архивах фондов Андропова и Берии. Часть этих бумаг вернули в разведку лишь в 1996 году.

В конце 20-х – начале 30-х годов Эйтингон и Серебрянский были посланы в Соединенные Штаты для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли нам пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и мы опасались предстоявшей войны с Японией.

Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с А. Ахмеровым, который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая. Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала «Амерэйша», которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтингоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии. Эйтингон и мой хороший друг Иван Винаров (советник по разведке при Георгии Димитрове в 40-х годах) вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов. Информация Зорге рассматривалась как довольно ценная на протяжении всех 30-х годов, правда, с оговоркой, что и немцы, и японцы считают его двойным агентом. Наш агент Вальтер Стеннес («Друг») – политический советник Германии при штабе Чан Кайши – часто встречался с Зорге в 1939–1941 годах. Он отмечал его широкую осведомленность об обстановке на Дальнем Востоке, не догадываясь о работе

Зорге на Разведуправление Красной Армии, и подчеркивал прочные, солидные связи Зорге с немецкой военной разведкой.

В 1932 году Эйтингон покинул Калифорнию и возвратился в Советский Союз через Шанхай. Его назначили заместителем Серебрянского, но они не сработались, и Эйтингон перешел на руководящую работу в Иностранный отдел ОГПУ.

Во время обострения международной обстановки накануне вступления в войну Америки разведывательную работу по линии НКВД на Восточном побережье США возглавлял Г Хейфец («Харон»). Ранее он работал в Коминтерне. Его отец являлся одним из организаторов американской компартии. Хейфец лично знал многих видных американских коммунистов. Учитывая коминтерновский опыт, его направили в начале 30-х годов на работу в разведку НКВД. Он организовал нелегальные группы в Германии и Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза. В Соединенных Штатах в левых кругах он был известен как господин Браун.

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание о его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецом была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокого оседания», созданной Эйтингоном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Пёрл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас.

Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Виктору Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, – сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам.

Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявлялся американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин.

Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами. Однако в Сан-Франциско он проработал недолго. Виктор («Форт») был послан нами в качестве резидента-нелегала на немецкую военно-морскую базу в Николаев на Черном море. Ему удалось провести ряд диверсий на базе. Гестапо в конце концов захватило его и радиста группы. Лягин отказался бежать из тюрьмы, так как не мог оставить арестованного вместе с ним раненого радиста. Они были расстреляны. В 1944 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Оставшемуся в Сан-Франциско Хейфецу удалось, получив ориентировку от Эйтингона, выйти на внедренных им ранее двух агентов «глубокого оседания» – польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции. Оба они вели обычную, неприметную жизнь

рядовых американцев: один – зубного врача, другой – владельца предприятия розничной торговли. Врач-стоматолог, известный лично Серебрянскому, в свое время получил от нас деньги, чтобы окончить медицинский колледж во Франции и стать дипломированным специалистом. Оба этих человека были внедрены на случай, если бы их услуги понадобились нам, будь то через год или через десять лет. Потребность в них возникла в 1941–1942 годах, когда эти люди неожиданно оказались близки к коммунистически настроенным членам семьи Роберта Оппенгеймера – главного создателя американской атомной бомбы.

Разделение спецслужб

В феврале 1941 года произошло разделение НКВД на Наркомат госбезопасности и Наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же была передана в подчинение Наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения их из-под контроля одного человека – Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка.

Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан Наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что К. Ворошилов – нарком обороны – мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров Наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация – наличие компрометирующих материалов и данных проверок руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной Армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как Председатель Совета Народных Комиссаров.

В сентябре 1936 года НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены Политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д., представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до наркома обороны Ворошилова.

Только Сталин, а позднее Хрущев и Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступающую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной Армии не стояли как приоритетные. После неудач в зимней войне с Финляндией руководство страны искало наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность Наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение – фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в Наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности – с территориальными и центральным аппаратом. Совет подчинялся наркому безопасности.

Военная контрразведка (3-е Управление) НКО сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля у НКГБ. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не прорабо-

таны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД накануне войны было кратковременным – с февраля по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркому обороны С. Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной Армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически.

И руководство страны – Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны – не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной Армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале.

Надо, однако, сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-Воздушных Сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но и для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной Армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной Армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Известно, например, что Г. Жуков, находясь в подчинении у Г. Штерна в 1939 году, был в неприязненных с ним отношениях. Формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Я. Смушкевича, Г. Штерна, П. Рычагова и других руководящих работников Главного артиллерийского управления Красной Армии были претензии к ним со стороны руководства Наркомата обороны.

Новые приоритеты

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Из-за закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров – поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей – находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему мне хотелось выделить – и правомерно – 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности? Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период, и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» – по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, некоторые другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны якобы быть нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседуя с нашим послом Мерикаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле— мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германосоветского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через своего авторитетного представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что Советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был создан специально для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с 30-х годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в 30–40-е годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу – использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Три направления

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии – в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна была готова предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством в тайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление – чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женевиевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях – подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор неизвестно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной Армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза и о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтобы чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции Балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал

Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы он взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 годах в коридоре 7-го этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргантау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции – в Наркомат иностранных дел и НКВД. Какие же вопросы они обсуждали? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «инострannого легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже было ясно, что она будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будут развернуты две – три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственно что сделали – разоружили его. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему был какой-то особый интерес, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились по указанию Сталина с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказание и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения – Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной Армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Мерикалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Мерикалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде своей жизни в 1939 году.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза в 20—30-е годы опасалось, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для Советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции – поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия и Меркулов – с другой, стояли непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в 40— 50-е годы. Эти два этапа советской политики за рубежом и людей, которые оказались причастны к ней, следует оценивать трезво.

Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении

Кто первым протянул руку?

Бытует мнение, что Советско-германский пакт о ненападении якобы был обусловлен жестом Сталина, который выразился в смене Литвинова Молотовым в качестве наркома иностранных дел. Ходили и такие слухи, будто бы родственник Сталина Канделаки, работавший в нашем торгпредстве в Берлине, еще в 1935–1937 годах зондировал с гитлеровским руководством возможность нормализации советско-германских отношений. И на этой основе поддерживались неофициальные связи в области экономического сотрудничества и поиска общих интересов в сферах международной политики с Германией.

Очень часто этот пакт о ненападении изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце 30-х годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений.

Но хотелось бы напомнить слова Черчилля о том, что в «истории дипломатических отношений западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества... после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях, в самых больших масштабах».

Я не собираюсь вдаваться во всю предысторию этих отношений, потому что в нашей литературе, особенно об истории разведки и дипломатии, все это довольно подробно описано. Но хотелось бы обратить внимание на следующее. Весной 1939 года (тогда я стал одним из руководителей внешней разведки органов безопасности) начался тот самый период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых, любого вида сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предрешена.

Американские, английские и советские правящие круги, используя свои разведывательные и дипломатические каналы, были наиболее осведомленными в сфере секретных контактов, которые завершились подписанием Пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года и началом 1 сентября 1939 года Второй мировой войны.

Немцы имели сильные выходы на правящие круги США, Франции, Англии, но не понимали секретных пружин американской и английской политики. Это происходило потому, что, по нашим агентурным данным, Гитлер переоценивал связи, которые у него были в окружении премьер-министра Англии Н. Чемберлена.

Успех Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскружил ему голову. Он считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 года предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому, недолго думая, заявил о своих претензиях к Польше. Таким образом, традиционная линия в английской внешней политике – умиротворить Гитлера и направить его на Восток, была нарушена.

Упускается, однако, из виду, что тогда Гитлером еще не были определены сроки развязывания войны. Как следовало из наших агентурных материалов, 25 марта 1939 года он склонялся к тому, что возможно решение конфликта с Польшей мирным путем, но 29 марта его карты были спутаны, потому что Англия, проглотив заявление о занятии Чехословакии, неожиданно выступила с инициативой предоставления гарантий Польше. Сразу же у тех, кто

был у руля европейской внешней политики, возник вопрос: чего будут стоить эти гарантии, и именно после этого начинался известный раунд советско-англо-французских консультаций.

Информация, полученная от «Наследника», очень надежного источника, помимо «Кембриджской пятерки», а также материалы, предоставленные небезызвестным банкиром Виктором Ротшильдом, проходившим в нашей оперативной переписке под псевдонимом «Джек», подтверждали, что советско-германский пакт о ненападении не стал сдерживающим фактором для Англии и Франции, на что рассчитывал Гитлер.

Было очевидно, что, несмотря на существующее прогерманское влияние в английских правящих кругах, Англия не пойдет на компромисс в отношении Польши, а значит, ввяжется в войну. Пакт же с СССР для Гитлера являлся передышкой. Что же касается Польши, то он, опираясь на реальные боевые возможности вермахта, рассчитывал на молниеносный ее разгром.

Феномен «странной войны», которая развернулась на Западе с 3 сентября 1939 по май 1940 года, был не чем иным, как успешной реализацией немцами плана предотвращения полномасштабной войны на два фронта, поскольку германские вооруженные силы не были к этому готовы. Этим и объясняется линия Гитлера на мирные экономические отношения с Россией.

Очень часто Сталину приписывают инициативу договориться с Гитлером. На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов. В этой связи следует выделить два направления деятельности нашей внешней разведки, которые связаны с именами начальника отделения ИНО по Турции и Ближнему Востоку В. Хангулова и заместителя начальника ИНО Н. Мельникова. У них концентрировались материалы по первым зондажным подходам немецких дипломатов к официальным советским представителям.

Весной 1939 года мы получили первые сигналы из французской резидентуры об изменениях в польско-французских отношениях как традиционных союзников. Французские правящие круги, сообщал наш агент, завербованный еще Серебрянским и работающий в канцелярии премьер-министра Франции Деладье, очень раздражены зигзагами и шараханьем в польской внешней политике и что ее министр иностранных дел Бек не пользуется у них серьезным доверием.

Таким образом, еще весной 1939 года мы были осведомлены о том, что польско-французские и польско-английские отношения находятся в подвешенном состоянии. И следовательно, тот зондаж, который был начат с нами о содружестве и гарантиях западных держав в отношении Польши, когда Гитлер выступил с открытыми территориальными претензиями к ней, уже воспринимался нами очень сдержанно.

В то же время Польша изъявляла гораздо большее желание договориться с Гитлером об урегулировании возникшей ситуации. В связи с этим мне вспоминается совещание в кабинете начальника ИНО Фитина относительно сообщений, поступивших из Турции, на котором присутствовал и Хангулов.

Как только германское посольство в Турции возглавил фон Папен, он поставил ряд острых политических вопросов перед нашими представителями. Мне пришлось этим серьезно заниматься, потому что, с одной стороны, наш посол сообщал о беседах, которые у него были с Папеном, с другой – в то время как резидентура ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве – главной целью Папена было добиться в любом варианте неофициальной встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, который находился тогда в Турции. Сейчас почему-то недооценивают значение этих событий.

Надо сказать, что в то время у нас с Турцией складывались особые отношения: через эту страну прорабатывались довольно деликатные вопросы связей СССР со странами Запада. Турецкое руководство стремилось играть роль неофициального посредника между Советским Союзом, Англией и Германией в обсуждении спорных проблем.

Сообщение нашей резидентуры о том, что немцы просят турок через свои связи в Москве выйти на кремлевское руководство, пришло почти одновременно с информацией о беседе, которую имел наш посол в Турции А. Терентьев с фон Папеном.

Помнится, Хангулов и Мельников докладывали эти материалы Фитину, а потом и Меркулову. Интересно, что запись беседы посла СССР в Турции Терентьева с Папеном вел сотрудник Иностранного отдела НКВД, работавший под прикрытием в посольстве. Немецкое руководство посредством Папена ставило перед нами весьма важные вопросы. Они касались политики на Балканах, будущего стран Восточной Европы, стабилизации обстановки на Кавказе и в Иране.

Вторая беседа Терентьева с Папеном состоялась уже по инициативе советской стороны. Обсуждался вопрос, касающийся урегулирования конфликта Германии с Польшей. При этом Папен был довольно сговорчив. Но вместе с тем он излагал концепцию Германии о ее обязательном присутствии на Балканах и необходимостью установления новых отношений с СССР.

Папен неоднократно повторял, что между Советским Союзом и Германией нет никаких неразрешимых противоречий, которые бы препятствовали их сближению, что нужно строить отношения совершенно по-другому, на новых основах. В шифровках содержались даже высказывания, касающиеся идеологических разногласий, что их надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам дружественных отношений между Россией и Германией.

Должен откровенно признать, что, несмотря на эти материалы, мне и в голову не могло прийти, что вскоре, всего через три месяца, будет подписан важнейший договор с Германией о ненападении и экономическом сотрудничестве. Я тогда не понимал, что соображения Папена перекликались с тезисом, который Сталин высказывал еще на XVII и на XVIII съездах партии в своих отчетных докладах, – о разграничении идеологических противоречий и необходимости поддержания соответствующих межгосударственных отношений.

Таким образом, становилось очевидным, что советское руководство, давая директивы Терентьеву на дальнейшее прощупывание позиций Папена, рассматривало его не просто как посла, а как бывшего канцлера, руководителя немецкого правительства. Было ясно, что по собственной инициативе Папен не мог делать подобных заявлений (подтверждение этому мы получили из Берлина) и что он направлен Гитлером в Турцию послом с широкими полномочиями. В его задачу входило превратить Турцию в нейтральную важнейшую страну, мощную буферную зону, через которую следует прощупывать все возможные повороты в ближневосточной политике.

Сейчас много говорят о тайных советско-германских переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так. Буквально через две недели зам. наркома иностранных дел В. Потемкин оказывается вовлеченным в секретные переговоры с англичанами, которых также интересовали позиции советского правительства по мирному сотрудничеству.

И наконец, примерно в то же время, когда Потемкин беседовал с английским послом в Турции, проходила историческая встреча в Москве Молотова с немецким послом в СССР Шуленбургом, который ставил вопрос об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург вел разговор об экономическом соглашении, но Молотов ответил, что экономическим переговорам должна предшествовать соответствующая политическая база и что советская сторона заинтересована в получении конкретных разъяснений в этой области. Противоречия между Германией, Англией и Францией активно втягивали СССР в самые узловые проблемы международных отношений. Внешнеполитическая деятельность Советского Союза постепенно приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира.

В августе 1939 года объем разведывательной информации резко возрос. Мы получили достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием

оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпадало с данными, полученными нами тремя или четырьмя годами раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее, Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон рассматривали возможность тайного соглашения с Гитлером для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта.

Полученные директивы обязывали нас быстро рассмотреть возможные варианты сотрудничества со странами, готовыми подписать соглашения о противодействии развязыванию войны. Речь шла не только об Англии и Франции, с которыми велись консультации с начала 1939 года, но также и о Германии. В Германии за мирное урегулирование отношений с Советским Союзом выступали в среде влиятельных военных лишь выходцы из Восточной Пруссии.

Рассматривая в соответствии с полученными директивами альтернативные варианты (или соглашение с англичанами и французами, или мирное урегулирование с Германией), я не мог даже представить, что экономические переговоры завершатся пактом о сотрудничестве Берлина и Москвы. Когда меня информировали о предстоящем прибытии министра иностранных дел Германии в Москву 23 августа 1939 года – всего за несколько часов до того как это произошло, – я был удивлен. После прибытия Риббентропа и последовавшего через тринадцать часов подписания Пакта о ненападении (это событие произошло в Кремле в два часа ночи 24 августа), стало ясно: принятое решение готовилось заранее.

Стратегической целью советского руководства было избежать любой ценой войны на два фронта – на Дальнем Востоке и в Европе. Такая линия дипломатических отношений, не привязанных к идеологическим соображениям, установилась еще с 20-х годов, когда Советский Союз осуществлял экономическое сотрудничество и поддерживал нормальные отношения с Италией после прихода к власти в 1922 году фашистского режима Бенито Муссолини. Кремлевское руководство было готово к компромиссам с любым режимом при условии, что это гарантировало безопасность Советскому Союзу. Для Сталина и его окружения воплощение в жизнь их геополитических устремлений преобразовать Советский Союз в мощнейшую державу мира всегда было приоритетом номер один во внешней политике.

Страна получила возможность более или менее стабильно развиваться лишь после завершения коллективизации в 1934 году. До этого мы пережили последовательно гражданскую войну, голод, разруху. И лишь к середине 30-х начала приносить свои плоды индустриализация. Растущая мощь государства была продемонстрирована в успешных военных действиях против Японии в Монголии и Маньчжурии. Хотя страна установила дипломатические отношения со всеми ведущими державами мира, нас, тем не менее, держали в изоляции, что наглядно проявлялось, когда мировые державы не допускали Советский Союз к участию в решении кардинальных мировых вопросов, от которых зависели их интересы. Все соглашения по Европе и Азии принимались западными странами и Японией в ущерб интересам Советского Союза. Англо-германское соглашение 1935 года, признававшее перевооружение немецких военно-морских сил, и последующие соглашения между ведущими державами мира по оснащению современными видами оружия своих флотов, даже не упоминали Советский Союз.

Французская и английская делегации, прибывшие в Москву летом 1939 года, чтобы прозондировать почву для создания возможного союза против Гитлера, состояли из второстепенных фигур. Таким образом, политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на правильном соображении, что враждебность западного мира и Японии к советскому строю сделает изоляцию СССР от международного сообщества постоянным фактором.

Оглядываясь назад, нельзя не прийти к выводу, что все три будущих союзника по антигитлеровской коалиции – СССР, Британия и Франция – виноваты в том, что позволили Гитлеру развязать Вторую мировую войну. Взаимные неприязнь и противоречия – вот что поме-

шало достижению компромисса между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой. Компромисса, который бы позволил сообща остановить агрессию Гитлера против Польши. Историки Второй мировой войны почему-то упускают из виду, что англо-франко-советские переговоры в 1939 году были начаты фактически по инициативе президента США Франклина Д. Рузвельта. Дональд Маклин, наш агент в британском МИДе, сообщал, что Рузвельт направил своего представителя к британскому премьер-министру Чемберлену с предостережением: господство Германии в Западной Европе было бы губительным для интересов как Америки, так и Британии. Рузвельт побуждал Чемберлена для сдерживания Гитлера вступить в переговоры с европейскими союзниками Великобритании, включая и Советский Союз. Наши источники сообщали, что британское правительство с явной неохотой отнеслось к американской инициативе, так что Рузвельту пришлось оказать на британцев нажим, чтобы заставить их все-таки «пойти на переговоры с Советами» по выработке военных мер для противостояния Гитлеру.

Тем не менее, быстрота, с какой был подписан договор о ненападении с Гитлером, поразила меня: ведь всего за два дня до того, как он был подписан, я получил приказ представить справку об экономических интересах Германии в будущем торговом соглашении с нами.

Я ничего не знал о протоколах Пакта Молотова – Риббентропа, но вообще такого рода секретные протоколы самая обычная вещь в дипломатических отношениях, затрагивающих особо сложные вопросы. Накануне войны британское правительство подписало секретные протоколы с Польшей – в них речь шла об оказании военной помощи Польше в случае войны с Германией. В 1993 году, например, один немецкий еженедельник опубликовал секретные протоколы и запись конфиденциальных бесед между Горбачевым и канцлером Гельмутом Колем, состоявшихся накануне воссоединения Германии. И сейчас, читая секретные протоколы Пакта Молотова – Риббентропа, я не нахожу в них ничего тайного. Директивы, основанные на подписанных соглашениях, были весьма четкими и определенными:

о них знали не только руководители разведки, но и военное руководство и дипломаты. Фактически знаменитая карта раздела Польши, приложенная к протоколам 28 сентября 1939 года, появилась на страницах «Правды», конечно, без подписей Сталина и Риббентропа, и ее мог видеть весь свет.

В 1990 году М. Горбачев и А. Яковлев устроили широкую дискуссию по поводу Советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Поражает фарс организации слушаний по этому вопросу на Съезде народных депутатов. В критические периоды мировой истории тайная дипломатия и секретные протоколы – неизбежные атрибуты внешней политики.

Отличие от рядовых парламентариев, и Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, в то время тайно договаривавшиеся с руководством США, Англии и Германии о кредитах, займах в обмен на уход СССР из Восточной Европы, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Вся возня вокруг секретных протоколов к советско-германскому пакту была затеяна весьма искушенными в делах тайной дипломатии людьми с целью отвлечь внимание общества от собственных провалов во внешней политике, от односторонних, ничем не оправданных стратегических уступок западным державам. Ничем, кроме тупоумия и профессиональной некомпетентности нельзя объяснить их расчеты на то, что в обмен на внешнеполитические уступки и одностороннее прекращение «холодной войны» страны Запада экономически помогут возрождению «демократии» в СССР. За всем этим, по-моему, скрывалась наивная вера, что Запад поможет Горбачеву в условиях кризиса в Советском Союзе удержаться у власти.

Связь с Рузвельтом через Бенеша?

Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отзыва в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной Армии. В нашей переписке он значился как «Редактор».

По указанию Москвы Уманский установил личные тесные связи с президентом Чехословакии Бенешем, находящимся в изгнании в США. При этом Бенеш выступал в качестве посредника между Рузвельтом и советским руководством. Этот факт у нас, к сожалению, должным образом не освещался. А он, между прочим, заслуживает серьезного внимания. Встречаясь с Уманским, Бенеш излагал позицию Рузвельта по ряду узловых проблем развития обстановки в Европе. О переговорах и встречах с Бенешем Уманский докладывал наркому иностранных дел Молотову и НКВД. Иногда его сообщения с резолюциями Берии или Меркулова направлялись Фитину и мне.

Несмотря на то, что Бенеш оказался в эмиграции, а Чехословакия была оккупирована, он считал своим долгом регулярно продолжать работу по поддержанию секретных советско-чехословацких отношений. Даже в трудное для себя время он очень ответственно подходил к выполнению взятых перед нами обязательств. Так, в сентябре 1938 года в самый канун своего бегства из Чехословакии Бенеш дал указание чешскому военному концерну, выполнявшему заказ на изготовление оружия для республиканской Испании, перечислить 1,5 миллиона фунтов стерлингов, полученных от СССР, на счет советского коммерческого банка в Париже. В то время заказ этот уже невозможно было выполнить, поскольку создалась реальная угроза оккупации Чехословакии.

Средства же эти в счет депонированного в 1936 году испанского золота сыграли большую роль при выведении республиканского актива из-под удара фашистов на заключительной стадии гражданской войны в Испании.

При встрече с «Редактором» Бенеш сообщил, что его европейская, в том числе и агентура в Германии, подтверждает ранее переданные данные о планах Гитлера, не дожидаясь конца сентября осуществить захват Данцигского коридора, а затем нанести удар по Польше. Он назвал три направления главных ударов и концентрации немецких войск, которые впоследствии полностью подтвердились. Это бросок из Восточной Пруссии на юго-запад, затем на Познань и операции в Верхней Силезии.

Расчет немцев, по информации Бенеша, сводился к тому, что для англичан и французов их маневр будет неожиданным, поэтому они отреагируют не сразу. Используя их растерянность и отсутствие договоренности с Советским Союзом, операцию можно будет продолжить в течение двух – трех недель, после чего открыть «очередное мирное наступление» на англо-французов и добиться, как с Испанией, их невмешательства. Далее Германия должна была двинуться на юго-восток. Если расчет на англо-французское невмешательство не подтвердится, немцы планируют осуществить воздушное нападение на Англию. По сведениям Бенеша, первыми жертвами юго-восточного этапа агрессии станут Греция, Албания и Хорватия. Первоначальные планы восстания и интервенция в Добрудже (Румыния) заморожены.

Бенеш сообщал и об интенсивном давлении немцев на Польшу, требующих не допустить присутствия на их территории чехословацких формирований и выдать им наиболее видных из перебравшихся в Польшу чешских военных. Бенеш отметил, что в случае ожидаемых им событий он даст сигнал к развертыванию движения сопротивления в Чехословакии.

Вообще Бенеш всегда ориентировался на установление доверительных отношений с советским руководством. При этом он стремился соблюдать своеобразную конспирацию. Его

помощник Яромир Смутны, которому мы платили немалые деньги, не оформлял подробности бесед Бенеша с советскими представителями Уманским в США и Майским в Англии. Бенеш справедливо полагал, что записи его бесед попадут в руки американцев и англичан. Поэтому устные договоренности 1938–1939 годов скрывались вплоть до 1945 года, когда они были оформлены договором о передаче Закарпатской Украины Советскому Союзу.

Другое сообщение Уманского было адресовано только Сталину, Молотову и Берии. В нем ставился поднятый Бенешем вопрос о советском содействии в формировании чехословацкого легиона на территории Польши, о новых формах сотрудничества советской и чешской разведок в рамках московского соглашения 1935 года. Уманский информировал, что Бенешем, даны указания прибывшему в Лондон полковнику Моравцу, руководившему чешской агентурой, установить рабочие связи с представителем советской военной разведки в Лондоне.

Вся эта информация опровергает безответственные утверждения о том, что советско-германское соглашение о ненападении было экспромтом Сталина и Молотова.

Впоследствии полковник Моравец поддерживал связь с нашим послом в Лондоне Майским, военным атташе, а позднее и резидентом НКВД. Бенеш во время встреч с Майским обсуждал планы участия Чехословакии в создании Восточного и Западного фронтов против Германии в случае ожидаемого начала войны.

Надо сказать, что американские и английские правящие круги отдавали себе отчет о двойной роли Бенеша. Например, Черчилль после возвращения Бенеша из США в Англию напрямую спросил его, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?» Практически через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. Это совершенно не исследованный, но достоверный факт в истории нашей разведки и дипломатии.

Благодаря Бенешу нам впервые стало ясно и другое: идти на заключение соглашения с английскими и французскими правящими кругами в условиях разногласий между ними по поводу сближения с Советским Союзом и о возвращении к идее коллективной безопасности в Европе, бесперспективно. Такая ситуация подстегивала наше руководство к поиску эффективного политического решения. И разумеется, в поисках его никто не был озабочен соображениями абстрактной морали. Для нас, что необходимо подчеркнуть, никогда не означали какой-либо общей заинтересованности в мировой революции. Мы четко представляли, что победа мировой революции может быть осуществлена только на основе укрепления материального могущества Советского Союза. И ради этой цели, ради укрепления нашей страны перед нами не стоял вопрос о том, кого использовать.

Почему узел вокруг отношений с Уманским приобретает очень важное значение в период первого этапа зондажных переговоров с немцами в начале лета 1939 года? Дело в том, что Уманский имел постоянную тесную связь с министром финансов США Генри Моргентау, правой рукой президента США Рузвельта. А одним из главных консультантов Моргентау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гари Декстер Уайт, он же «Кассир» в нашей переписке. Под прикрытием урегулирования с советским послом вопросов задолженности, признания царских долгов Моргентау и Уайт зачастую в неформальной обстановке передавали советской стороне исключительно ценную внешнеполитическую информацию об отношении правящих кругов США к развязыванию войны в Европе и японской агрессии на Дальнем Востоке.

Любопытна и роль Рузвельта в этом неформальном неофициальном диалоге. Он был предельно откровенен с Бенешем, не скрывал от него своей двойственной позиции, что не собирается использовать имеющиеся у него рычаги воздействия на англичан и французов. Например, он откровенно говорил о своей заинтересованности в успехе наших переговоров с англичанами

и французами, употребляя в то же время крепкие выражения в их адрес за непоследовательность.

Помимо этого Уманский встречался и с другим важным источником информации – «шестым» членом «Кембриджской семьи», крупнейшим миллионером и выходцем из влиятельного семейства Майклом Стрейдом («Нигель»). Работая в Госдепартаменте и входящий в семью Рузвельта, а позднее в семью президента Джона Кеннеди, он представлял исключительно важную информацию и мотивацию действий американских правящих кругов. Стрейд в 60-е годы после покаяния своего коллеги – члена «Кембриджской пятерки» Энтони Бланта также признался в связях с советской разведкой, в частности с нелегалом И. Ахмеровым. Позднее он отошел от политической деятельности.

Интересна и история его вербовки. Он был привлечен к сотрудничеству нашим закордонным агентом, выпускником Колумбийского университета И. Огинсом, который в 30-е годы активно работал в Кембридже с будущими ценнейшими советскими агентами 40-х годов. В отличие от своего напарника С. Дейча Огинс по прибытии в Советский Союз в 1939 году был по показаниям репрессированных разведчиков арестован и осужден. Но в дальнейшем, к сожалению, он стал на путь предательства. В 1941 году связался с поляками, освобожденными по амнистии из наших лагерей, и переправил через них покаянное письмо в американское посольство в Москве, где открыто признал свое участие в разведывательных операциях в США, Англии и Китае. Это и решило его судьбу в 1947 году, когда американское правительство потребовало его выдачи в связи с истечением назначенного ему срока заключения.

В 1938–1939 годах мы получали через Бенеша и Уманского четкую информацию помимо той, которая шла из Англии, о нежелании правящих кругов Англии и Франции договариваться с нами об отпоре фашистской агрессии. Таким образом, зная об этой двойной игре стран Запада, советской дипломатии ничего не оставалось, как вести одновременно переговоры и с англо-французской и германской сторонами.

Мы имели также проверенную информацию о двойственной, а точнее, антисоветской позиции Польши, стремившейся спровоцировать военное столкновение Германии и Советского Союза.

На потепление отношений с Германией заметно повлиял один эпизод, связанный с освобождением из испанского плена группы моряков из экипажа нашего корабля «Комсомолец», потопленного немцами, или фалангистами, и капитана другого корабля – «Цюрупы». В это активно была вовлечена разведка НКВД. Мы обратились к немцам с просьбой посодействовать в освобождении моряков, в чем они нам не отказали.

Надо сказать, что улучшение наших отношений с Германией произошло на фоне крупномасштабного конфликта СССР с Японией в мае – августе 1939 года. Именно в период напряженных боев, когда исход сражения на Халхин-Голе был еще не решен, немцы выступили с очень важным заявлением о том, что нам не следует переоценивать угрозу перерастания военного конфликта на границах Монголии в большую войну. И предложили свою помощь в урегулировании советско-японских отношений. Для достижения компромисса по этому вопросу, считали они, Советскому Союзу необходимо поддержать Китай. Молотов вначале отмолчался по этому поводу. Но немцы дали понять, что осложнение отношений между Англией, США, Францией и Японией – это существенный повод, не способствующий вовлечению СССР в войну с Японией, которая слишком увязла в Китае. При этом нам доверительно сообщили, что не кто иной, как Иахим Риббентроп, министр иностранных дел Германии, провел беседу с японским послом Осимой в Берлине и высказался в пользу нормализации отношений между Германией, СССР и Японией.

В критический для нас момент, еще до победы на Халхин-Голе, благодаря немцам мы узнали о серьезнейших противоречиях и разногласиях между японским послом в Берлине Осимой и его японским коллегой в Москве – Того. По линии НКВД Советское правительство полу-

чило подтверждение этой информации. Наша радиоконтрразведка и агентура контролировали переписку между посольством Японии в Москве и японским МИДом. Символично, что Сталин и Молотов именно из этого, второго источника получили подтверждение, что японский посол в Москве, который со временем стал министром иностранных дел Японии, занимает позицию мирного урегулирования советско-японских отношений. Это была очень важная информация, поскольку военные события на Дальнем Востоке связывали руки советскому руководству в довольно сложной ситуации со стороны Запада.

Не только торгпред, но и эмиссар

В зарубежной литературе публиковалось много материалов о тайной миссии Давида Владимировича Канделаки, торгпреда СССР в Берлине в 1935–1937 годах. Высказывались предположения, что он имел поручение прошупать позицию немцев на предмет улучшения отношений с нами. Канделаки был известен на Западе как крупная фигура, занимающаяся не только внешнеполитической деятельностью. До этого он был торгпредом в Швеции, работал с полпредом Коллонтай, был вхож в круги, близкие к Сталину, возможно, лично с ним встречался.

Однако роль Канделаки неправомерно преувеличивается. Перед ним ставилась задача сохранить с Германией экономические отношения, установленные в 20-е годы. Именно по этой причине Канделаки встречался с верхушкой немецких финансово-промышленных кругов. В наших архивных документах остались некоторые следы его связей. Об этом мне говорил Л. Безыменский, наш крупнейший историк советско-германских отношений.

Надо отметить, что судьба Канделаки сложилась трагично. Но трагичной оказалась судьба всех людей, занятых в неофициальных переговорах об улучшении российско-германских отношений. Канделаки был принесен в жертву в связи с тем, что кремлевская верхушка стремилась всячески отмежеваться от тех, кто знал о нашей большой заинтересованности в экономических отношениях с западными развитыми странами независимо от их политического строя. Канделаки фактически был одним из свидетелей конкретной линии советской политики, проводимой людьми среднего номенклатурного уровня, вне высшего политического руководства. Кому-то было дозволено об этом знать, а кто-то оказался вовлеченным в эти операции, не будучи сотрудником спецслужб, но находясь на дипломатической работе или занимаясь внешнеторговой деятельностью.

Канделаки оказался как бы попутчиком в исполнении специальных поручений. И поскольку информация о его контактах с министром финансов, крупнейшим банкиром нацистов Я. Шахтом всплыла в Германии, в западной прессе, то судьба Канделаки была предрешена. Он был объявлен немецким шпионом и расстрелян в 1938 году, хотя никаким шпионом не был. Это было сознательное преступление советского руководства, которое таким образом заметало следы.

Вместе с тем важно отметить и другое. Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди действительно были в Германии, но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось, к сожалению, не столь значительным.

Дипломат и разведчик

Второй жертвой тайных контактов, преследовавших осуществление намерений влиятельных немецких кругов, стал Марсель Розенберг, первый координатор работы Разведупра и Иностранного отдела ГПУ, наш временный поверенный в делах во Франции, позже, заместитель Генерального секретаря Лиги Наций и первый советский посол в республиканской Испании. В истории нашей дипломатии он, к сожалению, совершенно обойден вниманием. А ведь именно Розенберг обеспечил работу по завершению подписания Советско-французского пакта о взаимопомощи в 1935 году. Он блестяще справился с поручением разведать у французского банкира Танери о реальных намерениях Германии, которая вынашивала планы поделить с Польшей советскую Украину.

Розенберг сыграл также ключевую роль в организации вступления СССР в Лигу Наций, опираясь на свои широкие связи среди прогрессивной общественности и влиятельных дипломатов Франции, Румынии, Испании и Чехословакии.

Не могу не привести драматические строки из его письма от 13 декабря 1937 года, адресованного им Сталину. Оно чудом сохранилось в архивах НКВД и было приобщено к его уголовному делу. Копию письма передала в МИД России вдова посла Марианна Ярославская.

Вот этот текст: «Мои отношения с товарищами по работе были принципиальными и выдержанными. Я на любой работе считал, что выполняя задание вправе до получения директив отстаивать по конкретным вопросам свою точку зрения, не плетясь в хвосте того или иного ведомственного руководителя. Именно с этим связаны мои отношения с Чичериным, когда они были не безоблачными, они были в корне подорваны тем анализом позиций Турции, который я дал в качестве поверенного в делах Турции. Еще до этого я давал сигналы относительно политики Афганского правительства, которые не соответствовали романтическому представлению Чичерина о нашей политике на Ближнем Востоке. В курсе этого были товарищи Литвинов и Суриц.

Мои отношения с Крестинским испортились в период моего пребывания в Париже. Он, как правило, старался систематически проваливать все исходившие от меня предложения, касающиеся французских дел. С тов. Литвиновым я реже расходился в оценке конкретных вопросов, однако и с ним мне приходилось часто не соглашаться по существенным вопросам нашей дипломатии и дипломатической политики. Причем тов. Литвинов, наверное, не считал, что в этом сквозило мое желание показаться оригинальным или какие-либо моменты личного порядка. Никогда я не делал карьеру чиновничью. К уходу в 1926 году из Народного комиссариата иностранных дел в аппарат ЦК, на низовую работу никто меня не принуждал. К моменту ухода из НКВД я занимал должность заведующего вспомогательного бюро. Это бюро было специально создано для разработки секретных материалов ГПУ и разведуправления Красной Армии. Кроме того, на этой должности я имел доступ ко всей секретной переписке Народного комиссариата иностранных дел. Я ушел из НКВД, так как на этой работе не имел никакого касательства к живому делу. В силу этого мои стремления к оперативной работе были очевидны. Я просил ЦК через посредство тов. Литвинова пересмотреть решение о направлении меня на работу в Лигу Наций. Через тов. Литвинова я, начиная с 1934 года, неоднократно устно и письменно ставил вопрос о переводе меня на какую угодно работу внутри Союза.

Работая в Женеве, я был в курсе всех перипетий нашей внешней политики – благодаря частым наездам нашей делегации в тот период и благодаря контакту с Парижским полпредством. Я домогался освобождения от работы в Женеве, так как в основном был лишь в роли наблюдателя среди руководства.

Сознание, что ни в моем настоящем, ни в моем прошлом нет ничего, из-за чего меня следовало исключать из партии, побуждает меня еще раз обратиться непосредственно к вам, товарищ Сталин».

К этому стоит добавить, что Розенберг совместно с агентом советской разведки, корреспондентом ТАСС в Париже В. Кином провели труднейшую работу по выявлению реальной позиции фашистского банкира Шахта в отношении к Советскому Союзу. Но, тем не менее, и Кина, и Розенберга, и зам наркома иностранных дел, бывшего посла в Берлине Н. Крестинского, не миновала трагическая участь. Они были арестованы и казнены якобы за шпионаж и измену.

Чудовищные обвинения, предъявленные Крестинскому и Розенбергу в попытке установить секретные контакты с немецкими властями, имели под собой тайную подоплеку, но руководство страны прекрасно знало, что все обвинения против этих людей сплошная фальсификация и вымысел, что все их действия за рубежом базировались на неукоснительном выполнении указаний правительства СССР.

Говоря о Розенберге, нельзя не отметить его выдающиеся способности дипломата и разведчика. Именно он привлек к сотрудничеству с Советским Союзом известную журналистку Женевьеву Табуи, последовательно разоблачавшую прогитлеровскую и антисоветскую политику умиротворения фашистской агрессии. Благодаря ей советская разведка опубликовала в авторитетной не только левой, коммунистической прессе материалы о преступлениях фашистских легионов в Эфиопии и Испании. Книга Табуи «Меня называют Кассандрой» принадлежит к числу лучших произведений антифашистской публицистики. Табуи также активно участвовала в нашей разведывательной работе при подготовке Советско-французского договора о ненападении, подписанного в 1935 году.

Деятельность и контакты Розенберга получили значительное развитие и в 40-е годы. Его доверенное лицо, видный французский общественный деятель, министр правительства народного фронта и антифашистской коалиции в 40-е годы Пьер Кот, товарищ «Дедал», сыграл большую роль в осуществлении поставок самолетов республиканской Испании, в антифашистской борьбе. Помогая Литвинову в США, нашему резиденту Зарубину, ведя с нами важную переписку, «Дедал» достойно продолжил дело своего соратника и учителя.

Обвинен в двойной игре

И наконец, еще одна достойнейшая личность – Георгий Астахов, советник нашего посольства в Берлине с 1938 года, также ставший жертвой репрессий. Именно он был тем, кто вынес на своих плечах основную тяжесть в поддержании тайных советско-германских отношений и подготовку всех договоренностей, подписанных 23 августа 1939 года. Несмотря на ведущую роль Астахова в начальной стадии переговоров по пакту о ненападении и то, что он был принят на высшем уровне, его осенью 1939 года отстранили от работы в НКВД, а в феврале 1940 года по специальному указанию Молотова Астахов был арестован и обвинен в двойной игре.

Георгий Александрович Астахов был, однако, не просто дипломатом. Он первым проложил дорогу к Советско-германскому пакту о ненападении. С ноября 1938 года ему был поручен так же, как Уманскому в США, ряд обязанностей резидента разведки НКВД в Берлине. Занимался Астахов прежде всего политической разведкой, но поддерживал агентурные связи. При этом его сообщения о политической обстановке в стране, адресованные Берии, в аппарат ИНО не спускались. Насколько я помню, все телеграммы, два письма за его подписью подлежали обязательному возврату в Секретариат НКВД.

Астахов мужественно держался во время следствия, ни в чем себя виновным не признал. Неоднократно обращался к Берии, напоминая о выполнении им важных поручений по линии НКВД. Первоначально его держали в тюрьме «на всякий случай», если понадобится, поскольку он хорошо знал немецких руководителей. И только в 1941 году Астахов был осужден в массовом порядке, когда Военная коллегия в условиях надвигавшейся войны штамповала приговоры арестованным в 1938–1939 годах. Астахов погиб в лагере. Материалы о его деятельности находятся не только в уголовном деле, но и в архивах Берии, Молотова, а также в архивном фонде Секретариата НКВД – НГКБ.

Глава 3. Зимняя война на севере

Секретный диалог

1939–1940 годы – период испытания договоренностей с Германией, испытания на выдержку немцев в связи с развертыванием наших военных действий в Финляндии. Как известно, в планировании военных операций в Финляндии было допущено много ошибок. Но разбирать их – дело не мое. Я только хочу коснуться так называемого финляндского вопроса в связи с тем, что перед нашей разведкой была поставлена задача – ускорить заключение мирного договора с финнами в марте 1940 года. Это было поручено выполнить отозванным в 1938 году в Москву резиденту НКВД в Хельсинки с 1935 года Б. Рыбкину (Ярцеву) и его заместителю – жене З. Рыбкиной. За эту операцию впоследствии Рыбкин (Ярцев) был награжден орденом «Знак Почета», а его жена почетным знаком и грамотой «Заслуженный работник НКВД».

В январе – феврале 1940 года после провала нашего первого наступления на Карельском перешейке состоялась их поездка в Стокгольм, где наша разведка через посредничество заместителя министра иностранных дел Швеции Садлера начала предварительные зондажные контакты. Секретные переговоры вел Рыбкин. Для контроля переговоров и связи с финскими и шведскими агентами нашей резидентуры в Стокгольм одновременно был командирован один из активных участников «чистки» в ИНО НКВД в 1938–1939 годах, партийный выдвиженец А. Траур. Впоследствии он какое-то время в 1941 году возглавлял шведскую резидентуру НКВД, после чего был отозван в Москву. Работая в центральном аппарате как начальник Отдела внешней разведки, Траур отличался особой подозрительностью к людям, что сыграло трагическую роль в судьбах некоторых наших разведчиков. Только после войны Траур был уволен, когда стало ясно, что он был психически серьезно болен: придя на прием к начальнику разведки П. Федотову, он «сознался» в своей работе на американскую разведку.

Так вот, на Рыбкина, который вел секретные переговоры, возлагалась исключительно ответственная миссия. Война с Финляндией вызвала резкую негативную реакцию на Западе. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Несмотря на показной немецкий нейтралитет, мы прекрасно понимали, что если увязнем в этом конфликте, то он ослабит нас и толкнет на путь конфронтации с гитлеровцами, у которых были серьезные интересы на Балтийском море, хотя Финляндия признавалась с их стороны зоной наших интересов.

З. Рыбкина в Стокгольме и Таллине в январе – феврале 1940 года провела огромную работу по подготовке секретных переговоров. Впрочем, секретными они были только для широкой общественности. Финское руководство прекрасно знало, что к подготовке мирного соглашения с русскими подключена Х. Вулиоки, известная писательница и доверенное лицо, «агент Советского правительства». Поездка Вулиоки в Стокгольм и встреча с «супругами Ярцевыми» (с целью обсуждения условий предварительного соглашения о мире) проходила фактически с ведома и благословения финских властей. История этих переговоров – интересный пример того, как агент советской разведки с конца 1920-х годов «Поэт» превратилась из информатора в политического посредника, деятельность которого в конечном счете принесла большую пользу обеим странам.

Однако финнам не было известно, какие соображения докладывал Рыбкин в правительство и руководство разведки о перспективах заключения мирного договора.

Сообщения Рыбкина были настолько важны, что направлялись не только в НКВД, но и в Наркомат обороны. Главный вывод Рыбкина был таков: заключение мира абсолютно реально, но при условии нанесения финнам довольно серьезного поражения на фронте, которое сделает невозможным дальнейшее затягивание переговоров. Он настаивал на продолжении бомбарди-

ровок военных объектов Финляндии, в частности линии Маннергейма, что должно было продемонстрировать безусловное превосходство воздушных сил Красной Армии, учитывая, что авиация Финляндии была ее ахиллесовой пятой.

Прорыв линии Маннергейма и выход нашей армии на оперативный простор, считал Рыбкин, предопределяет неизбежную капитуляцию финнов. Он довольно точно указал незначительность угрозы высадки десанта западных стран в Финляндию. Как оказалось, Запад основные планы возлагал на англо-французскую десантную операцию, которую планировалось провести не в Финляндии, а в Норвегии, чтобы выйти к финской границе и воздействовать оттуда на развитие событий.

В свете сложившейся обстановки необходимо отметить, насколько весомым был в то время успех советской дипломатии и разведки. Начало военных операций Германии против Норвегии, столкновение немцев с англофранцузским флотом и десантом произошло спустя две недели после заключения мирного договора с Финляндией. Таким образом, Советскому Союзу удалось избежать втягивания в полномасштабный военный конфликт Второй мировой войны, развернувшийся на суше и на море в Скандинавии.

Финская кампания обнаружила крупные недостатки в ведении боевых действий и в организации разведки Красной Армии. На повестку дня встал вопрос кадрового обновления в вооруженных силах и в органах госбезопасности. Это коснулось и нашей разведывательной работы в главных капиталистических странах. Мы, к сожалению, в 1938–1939 годы вынуждены были прибегнуть к консервации ряда важных источников нашей разведки в Германии, Франции, Англии, США, Маньчжурии в связи с бегством и предательством ряда руководящих работников, резидентов советской разведки и органов безопасности в 1937–1938 годах – Орлова-Никольского, Кривицкого, Порецкого-Рейса, Штейнберга и Люшкова.

Секретный зондаж Рыбкина

Но вернемся к началу финских событий в апреле 1938 года. Очень много говорят о провалах и неудачах советской политики и просчетах в финской войне. Мои встречи и беседы с нашим резидентом в Финляндии Елисеем Тихоновичем Синицыным, которые проходили в 1987–1988 годах (в то время, когда он работал над книгой воспоминаний), дали мне возможность несколько по-иному взглянуть на то, что происходило накануне и во время боевых действий. Какова была роль разведки в обеспечении внешнеполитических целей СССР по отношению к Финляндии? Как действовала разведка в период войны? Каким образом взаимодействовали военная и внешнеполитическая разведки?

К финским событиям, которые были знаковыми для нашей внешней политики, мне довелось подключиться в сентябре 1939 года. Бытует точка зрения, что после подписания Пакта Молотова – Риббентропа у Советского Союза были развязаны руки в отношении Финляндии. Однако несмотря на признание балтийского пространства сферой наших внешнеполитических интересов, что было зафиксировано на советско-германских переговорах, руководство и командование вооруженными силами Германии не было заранее нами проинформировано о планах в отношении Финляндии. Тем не менее немцы о них узнали.

Нам стало известно из надежного источника через МИД Германии, что финны поставили в известность немцев о секретном зондаже Рыбкина в апреле 1938 года. В наших архивных материалах, насколько я помню, это фигурирует под кодовым названием «Дело 7 апреля».

Об этом, считаю, стоит рассказать подробнее, как и о феномене Рыбкина, передававшего тогда предложения Советского правительства руководству Финляндии, причем в тайне от советского посла в этой стране.

Еще в 1937 году руководство НКВД, в частности Ежов как нарком, выдвинули предложения по мирному урегулированию отношений с финнами и о необходимости закулисных переговоров с ними. Рыбкин был назначен секретным уполномоченным Советского правительства, поскольку именно он инициировал эти предложения.

Для Сталина и Молотова была подготовлена справка, в которой давалась оценка политики Финляндии и определялись пути сотрудничества с ней. В справке говорилось, что финское правительство не было германофильским и существуют реальные условия для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту воздействия СССР.

В документе предлагалось поставить перед Хельсинки вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с условием соблюдения неприкосновенности границ. Предлагалось также гарантировать финнам поставки советского вооружения и техники. В справке были приведены характеристики руководящих деятелей Финляндии, указывались возможности для активного негласного, но важного для нас сотрудничества с Аграрной партией Финляндии. (Впоследствии для создания партии мелких хозяев Рыбкину было передано около 10 миллионов финских марок наличными. Эти деньги были использованы для укрепления наших позиций в основном через министра финского правительства Пекалла и его брата, агента советской разведки.) Подготовленная Рыбкиным справка фиксировала наличие в стране мощного агентурного аппарата советской разведки, способного в известной мере оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Финляндии.

Кстати, о возможности ареста Рыбкина. На него имелся ряд показаний репрессированных сотрудников ИНО. Как руководящий работник, он был отозван в Центр в 1938 году, но поскольку «Дело 7 апреля» было возложено на Рыбкина, любое действие в отношении такого человека могло быть предпринято только с согласия Сталина. А финская тема оставалась приоритетной несмотря на неудачное для нас завершение секретных переговоров летом 1938 года. Между тем, Рыбкин в беседе со Сталиным, Ворошиловым и Молотовым высказал сомнение,

что финны пойдут на секретное соглашение с Советским Союзом. Как ценный работник, проявивший себя еще в 1929 году в перехвате тайной переписки Троцкого и его сторонников в компартии Германии, не вовлеченный ни в какие политические игры и фракции, он продолжал работать в Центре и пользовался полным доверием руководства. Да и на дворе уже стоял не 1937 год. И самое, может быть, главное. В связи с тем, что Рыбкин сохранил свое положение в Центре, не ставилась под сомнение действовавшая агентура в Финляндии. При смене руководства НКВД были лишь предприняты обычные меры по ее дополнительной проверке в новой политической обстановке накануне войны.

Для СССР военное решение финского вопроса было вынужденным шагом, ибо мирные переговоры с финнами о переносе границ закончились ничем. Таким образом с сентября по ноябрь 1939 года мы начали военные приготовления и смогли сохранить это в тайне от немцев и финнов.

Тем не менее напряженность осенью 1939 года в советско-финских отношениях нарастала, и финны демонстративно вели работу по укреплению своей границы, что, как им казалось, усиливало позиции на переговорах с нами. С этим были связаны обстоятельства, которые нас поначалу удивляли, – финская контрразведка не противодействовала советскому военному атташе в изучении будущего театра военных действий вблизи Выборга и на Карельском перешейке. Мы-то расценивали проникновение в эти районы как успех разведывательной операции. Финны же, демонстрируя нам мощь своих укреплений, давали понять, что нам потребуется длительная подготовка к военным действиям.

Однако, как известно, все произошло не так, как мы рассчитывали. Нашим военным руководством была допущена ошибка в оценке военных возможностей Финляндии. Считалось, что с ней удастся справиться силами войск Ленинградского военного округа. Внезапное нападение, которое было предпринято в ноябре 1939 года, застало и финнов, и немцев врасплох, поскольку никаких чрезвычайных перебросок наших войск ими зафиксировано не было. И тем не менее группировка Ленинградского военного округа потерпела поражение в попытке прорвать с ходу оборону финнов на Карельском перешейке.

Война с Финляндией преподнесла урок, недостаточно учитываемый и теперь. Скрытность и внезапность военного нападения не должны быть самоцелью военной или специальной операции. Необходимо тщательно просчитывать соотношение сил на театре военных действий и в особенности отрабатывать организационный механизм о развертывании военной кампании.

Следует отметить, что перед началом и во время военных действий в Финляндии наша военная разведка и органы НКВД располагали большим количеством разведывательных данных. Это объяснялось и тем, что репрессии практически обошли стороной руководителей разведки по Скандинавии, которые работали в ИНО. Не был подвергнут репрессиям и аппарат военного атташе, бесперебойно работавший в Финляндии в 30-е годы. Однако информация о противнике, его тактике и вооружении, которую докладывали высшему руководству, по непонятным причинам не спускалась на уровень командиров армий, корпусов и дивизий, которым предстояло вести боевые действия. Не потому ли командование Красной Армии в боях на Карельском перешейке ожидали очень большие и неприятные сюрпризы?

Ко мне понимание этого пришло не сразу, лишь в самый канун Отечественной войны, когда мы уже вели подготовку в ожидании нападения Гитлера. Тогда Н. Эйтингон разъяснил мне эти азбучные истины. Надо сказать, что роль Эйтингона в истории советской разведки в годы войны уникальна. Это был единственный руководитель разведки органов госбезопасности (кроме Н. Мельникова), имевший высшее военное образование. Но у Мельникова был накануне войны лишь небольшой опыт агентурно-оперативной работы. Эйтингон же в Академии штаба РККА учился вместе с будущими известными военачальниками – маршалами В. Чуйковым, Я. Головановым и другими.

Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии – Елисей Тихонович Синицын. В отличие от Рыбкина он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Синицын закончил разведывательную школу, во время событий в Польше участвовал в обеспечении деятельности нашей оперативной группы. Таким образом имел опыт работы в экстремальной обстановке боевых действий, хоть и не очень большой. Но зато он в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе.

Очень часто противопоставляют разведку и дипломатию. На мой взгляд, это происходит от неправильного представления самой сути этой работы. В периоды военных конфликтов мы всегда держали в горячих точках резидентов, которые одновременно являлись и высшими должностными лицами советской дипломатии. Так было с Синицыным, когда он работал, что называется, на два фронта в Финляндии, так было и с А. Панюшкиным – резидентом и полпредом СССР в Китае, когда там шла гражданская война, потом война с Японией. И не совсем уж давний пример. Ветеран ИНО НКВД, закончивший разведывательную школу первого выпуска, А. Алексеев, он же Шитов, в решающий момент стал советским послом в Республике Куба. И делалось это в тех случаях, когда нужно было сосредоточить усилия дипломатов и разведки в одних руках и проводить активные дипломатические действия, опираясь на агентуру, которая была лично известна главному резиденту в стране.

Несколько слов о наших недостатках и упущениях в финских событиях. Известно, что в военном отношении операция по прорыву линии Маннергейма была плохо подготовлена. Сроки начала ее постоянно сдвигались.

Большие недоработки были и с нашей стороны. Синицын вез с собой в Финляндию 10 миллионов финских марок для финансирования деятельности компартии и выезда финских коммунистов в Швецию, которые впоследствии, как мы планировали, должны были войти в правительство Куусинена. Перед отъездом Синицын получил неверную ориентировку от Берии о том, что война начнется не раньше, чем через три дня. Однако военный конфликт развернулся в день его приезда в Хельсинки. Со своим аппаратом Синицын попал под бомбежку нашей авиации. Бомбы сыпались рядом с советским посольством.

Вспоминается эпизод, когда Синицын в октябре 1939 года был вызван в Москву для срочного доклада наркому иностранных дел Молотову как временный поверенный в делах. Встречали его представители наркома иностранных дел и с вокзала привезли в кабинет Молотова. Это вызвало резкое недовольство Берии: почему он как резидент не явился вначале с докладом к своему непосредственному начальнику?!

После в кабинете Берии состоялся довольно нелिцеприятный разговор. Я присутствовал при этом вместе с Фитиным. Синицын докладывал Берии. Он, как человек недостаточно опытный в аппаратных условностях, начал с информации, которую он только что доложил Молотову и как тот ее воспринял. Чтобы остановить Синицына, я дважды наступал ему под стол на ногу. Только таким образом удалось прервать его. Ведь Берия ждал доклада не о политической обстановке в Финляндии, которую он и без Синицына хорошо знал, а хотел услышать предложения по задействованию и использованию агентов, бывших в его распоряжении, причем не только среди финских руководящих кругов, а и в МИДе, Аграрной и Социал-демократической партиях Финляндии.

Еще один любопытный момент. Поскольку Синицыну не удалось до начала военных действий вывезти родственников Куусинена из Финляндии, а также в связи с большими иллюзиями относительно удачного исхода начавшейся кампании, в середине декабря 1939 года руководством было принято беспрецедентное решение – отправить резидента страны, с которой идет война, в отпуск до конца января 1940 года! И это в то время, когда срочно требовались какие-то справки, данные, его личные наблюдения. Однако все обошлось благополучно. Фитин, исключительно доброжелательный и чуткий человек, устроил все так, чтобы Синицын,

не дай Бог, не попался на глаза ответственным работникам международного отдела ЦК, жаждавшим наказать его «за провал партийного поручения».

С Синицыным связан еще один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы «Суоми», которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Синицына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако, когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Невероятно, но это так: никому не пришло в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны.

Уроки войны с Финляндией

Главным выводом для советской разведки после анализа военных действий в Финляндии стала необходимость регулярного обмена разведывательной информацией между НКВД, Разведупром Красной Армии и разведуправлением Наркомата Военно-Морского Флота. На совещании по итогам войны с Финляндией Сталин бросил резкие упреки начальнику Разведупра РККА И. Проскурову, после чего он был отстранен от должности. Связано это было с информацией резидентуры военной разведки и НКВД из Лондона и Парижа о намерениях англичан и французов в апреле 1940 года начать бомбардировки бакинских нефтепромыслов.

Информация об этом, кстати, была достоверной, но с одной существенной оговоркой относительно сроков. Сталин немедленно принял решение об увеличении нашей закавказской военной группировки в три раза. Сразу же после перемирия началась переброска туда с финского фронта войск, имеющих боевой опыт, в том числе сил и средств ПВО и ВВС. Эти меры в целом были оправданны. Сталин, безусловно, понимал, что изменение военной обстановки в Европе сорвало англо-французские замыслы относительно наших нефтепромыслов, но он использовал неподтвердившиеся предупреждения о бомбардировках для критики руководства Наркомата обороны за неудовлетворительные, как он считал, разведывательные операции и как предлог для снятия начальника военной разведки.

Впрочем, сообщения об угрозе англо-французского десанта в Скандинавии и бомбардировок Баку имели и другое важное последствие, когда разведывательная информация была быстро реализована Наркоматом обороны. Разведка получила указания тщательно изучить ближневосточный театр военных действий. Тогда впервые с материалами, добытыми разведкой, были ознакомлены не только представители военной разведки, но и офицеры оперативного управления Генштаба.

Как я уже говорил, впоследствии это стало правилом – наиболее важные сообщения по военным вопросам по линии НКВД для оценки направлялись в Разведывательное управление Генштаба. В его составе был образован специальный отдел военно-технической информации. Кроме того, к нам в НКВД стали регулярно поступать обзоры из разведывательных управлений Генштаба и ВМФ.

И наконец, хочу уточнить еще один момент. Утверждать, что только разведка по военно-дипломатической линии сыграла ключевую роль в завершении войны с Финляндией, было бы неверно. Более правильно подчеркнуть объективную ситуацию, создавшую благоприятные возможности для разведки в подготовке мирного договора с Финляндией. Во-первых, немцы напрямую не поддерживали Финляндию, они были заинтересованы в том, чтобы финны заключили с нами мирный договор, уступив территорию на Карельском перешейке, и сделать это советовали им неоднократно. Во-вторых, нейтральная Швеция оказалась между двух огней. Больше всего она боялась в этой войне потерять свой нейтралитет. Поэтому шведская дипломатия оказала нам всемерную поддержку в этом мирном урегулировании. Конечно, многое сделали и наши серьезные агентурные позиции в шведском дипломатическом ведомстве.

В заключение, говоря об уроках для разведки в финской кампании, следует подчеркнуть, что Наркомат Военно-Морского Флота наиболее полно реализовал разведывательную информацию о складывающейся обстановке на Севере.

Насколько я помню, накануне англо-германских военных действий в Скандинавии нарком военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов издал специальную директиву флотам о том, как действовать в условиях, когда Англия стремится восстановить утраченные рубежи для наступления на СССР, проводит подготовку к десантной операции в Норвегии с целью создать военно-оборонительный союз стран Скандинавии и Финляндии. В отличие от руководства Наркомата обороны и Генштаба, Н. Кузнецов сумел не экспромтом, а заранее, на основе

продуманной системы мер обеспечить высокую боеготовность своих соединений к отражению нападения гитлеровцев.

Не могу не сказать, что, когда Германия напала на Норвегию и началась англо-германская схватка, мы вздохнули с облегчением. Для нас это означало затяжку войны на Западе. Но, как показали дальнейшие события, силы противников, их планы были нам недостаточно известны. К этому следует добавить, что опыт боевых операций на фронтах Западной Европы после польской кампании нами также не был должным образом проанализирован и использован.

Глава 4. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах

Соприкосновение с вероятным противником

Прошло уже немало лет, но почти не обобщен материал, который был накоплен органами госбезопасности в ходе важных военных операций в западных Украине и Белоруссии, Буковине и Молдавии, осуществленных Красной Армией в 1939–1940 годах. Очень мало написано и сказано об опыте разведывательной и контрразведывательной работы на территориях, занятых нами в соответствии с секретными протоколами. Между тем именно в это время мы напрямую столкнулись с деятельностью немецкой разведки в будущей полосе фронтовых операций. Созданные нами в исключительно быстром темпе агентурные позиции позволили уже в конце 1940 года составить довольно четкое представление о будущем театре военных действий.

В начале августа 1939 года после моего возвращения из краткосрочной командировки в Западную Европу, по полученным важным сведениям становилось все более и более очевидным приближение военного столкновения. При распределении обязанностей среди заместителей Фитина, а их было несколько, мне было поручено заниматься подготовкой всех необходимых мер на случай начала военных действий.

Генштаб с самого начала выделял два главных направления в будущей войне. Первое – Западное, где Германия и Польша были основными противниками. Второе – Дальневосточное, здесь Япония, вне всяких сомнений, серьезно угрожала Советскому Союзу. Кстати, разгром Японии на Халхин-Голе совпал по срокам с заключением Советско-германского договора о ненападении. Надо отметить, что перспектива развития военных действий на Дальнем Востоке была предметом большой озабоченности в Кремле, и тут нельзя не отдать должное квалифицированной работе нашей контрразведки, в особенности радиоконтрразведке и ее дешифровальному подразделению, которым успешно руководили Шевелев и Блиндерман.

Нам удалось подобраться к японским шифрам благодаря агентурным источникам в японском посольстве и кропотливой работе наших шифровальщиков. В отличие от советских посольств за границей, а также американских и английских, японские дипломатические миссии и военно-разведывательные органы, работавшие под их прикрытием, обменивались между собой текущей информацией, минуя доклады в свой центр в Токио. Скажем, японское посольство в Москве регулярно поддерживало связь с японским консульством в Вене, японским посольством в Хельсинки, японскими представительствами в Бухаресте, Турции, Италии.

Благодаря этому мы имели широкий доступ к японской шифропереписке и разведывательной информации, получая, таким образом, уникальные сведения. Например, из сообщений японского консульства в Вене, перехваченного в конце августа 1939 года, стало известно, что резервы Японии на Халхин-Голе исчерпаны и никаких реальных планов перенесения военных действий на Дальний Восток и Забайкалье у японского командования нет. Заключение Советско-германского договора о ненападении окончательно охладило японцев.

Информация об этом, доложенная руководству страны, развязывала нам руки. Согласно советско-германскому протоколу, мы могли предпринять активные действия в Европе, но обстановка, складывающаяся на Дальнем Востоке, заставляла все делать с оглядкой на Японию. Теперь же мы могли усилить нашу группировку на Западном направлении за счет дальневосточных резервов без особых опасений.

Важно было и то, что это обстоятельство позволило разработать меры по широкому маневру нашими силами и средствами в условиях ограниченных возможностей железнодорож-

ного транспорта. Тем более, что в это время руководство НКВД докладывало Сталину и Молотову о крупных недостатках в работе Наркомата путей сообщения, что не могло не отразиться на мобилизационных планах Красной Армии. Положение выправилось только в годы войны, когда перевозки на железных дорогах были буквально поставлены на «почасовой» контроль транспортного управления НКВД.

В августе 1939 года, как докладывал агентурный аппарат, организационно-мобилизационная работа в приграничных военных округах велась очень слабо. Отмечалась низкая боевая готовность ряда подразделений войск Белорусского военного округа, о чем неоднократно ставились в известность и правительство, и нарком обороны Ворошилов, а также начальники самостоятельных подразделений органов госбезопасности.

Это послужило причиной для увольнения командующего войсками Белорусского военного округа И. Ковалева и назначения на эту должность К. Тимошенко, возглавлявшего в то время Киевский военный округ. (Впоследствии он показал себя собранным, волевым организатором взаимодействия различных родов войск в ходе операции в Польше, в связи с чем был назначен командующим войсками в финской войне, а затем возглавил Наркомат обороны.) Видя явные промахи Ворошилова как наркома обороны и главнокомандующего, Сталин, вероятно, хотел расставить на ключевых должностях в Наркомате обороны людей, имеющих опыт руководства боевыми действиями в новых условиях.

Нельзя не сказать о крупных недостатках и организационной неразберихе в ходе польской кампании и при вводе войск в Прибалтику, о чем руководству страны было известно. Военная контрразведка регулярно направляла важные сообщения о неблагоприятной обстановке в Военно-Воздушных Силах Красной Армии, что выражалось в слабой организации взаимодействия различных родов войск и ВВС, плохом состоянии ПВО, особенно в приграничных военных округах, которые развернуты были во фронты.

Сейчас известно, что приказ о подготовке к выдвижению войск на территорию Восточной Польши и Западной Белоруссии последовал сразу же после первых дней нападения Германии на Польшу, однако кроме командования пограничных войск никто из руководителей разведки и контрразведки НКВД об этом не был проинформирован. Мобилизация офицеров запаса по линии госбезопасности и дополнительный набор из среды военных и партактива на службу в органы НКВД рассматривались нами лишь как проведение обычных учебных сборов и расширение штатов в связи с обострением международной обстановки. Знаменательно, однако, что учебные сборы по линии запаса НКВД были использованы для последующего комплектования разведывательных и контрразведывательных оперативных групп в процессе продвижения наших войск на Запад.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что в условиях начавшейся войны из чекистского и общевойска запаса, а иногда прямо из заключения на службу вернулись уволенные в результате чисток 1937–1938 годов опытные оперативные кадры. Это ныне широко известные А. Коротков, В. Фишер, Р. Абель, Е. Зарубина, Г. Хейфиц, К. Кукин, Ф. Парпаров и другие. Вместе с присоединившимися к ним из заключения и запаса Я. Серебрянским, И. Каминским, Н. Белкиным, М. Яриковым, П. Зубовым они также передали свой богатейший опыт молодым кадрам, включившимся в разведывательную работу после окончания Школы особого назначения. Таким образом, советская разведка выполнила свои задачи в годы войны, несмотря на тяжелейшие потери в период массовых репрессий.

В это время резко возросла роль территориальных органов безопасности в ориентировании правительства относительно событий, происходивших в Западной Белоруссии и Прибалтике. Органы НКВД Белоруссии и Украины, Транспортное управление докладывали о реальной обстановке на сопредельной территории, о продвижении немецких войск, о реакции в Польше в связи с поражением ее войск на основных фронтах. Наше выступление против поляков было неизбежным, поскольку мы должны были встретиться с немецкими войсками на

рубежах, определенных соглашением, и преградить им путь к вторжению на западные территории Белоруссии и Украины. Нами учитывалось то обстоятельство, что «Карпатская Украина» разыгрывалась немцами и французами накануне войны как козырная карта против СССР. Поэтому нельзя было допустить, чтобы немецкие войска оккупировали территорию, где могла быть провозглашена независимая Западно-Украинская республика.

И наконец, еще одно обстоятельство. События в Польше показали исключительную важность взаимодействия территориальных органов безопасности и военного командования. В 1939 году впервые ориентировки Генштаба и Разведупра стали направляться в органы НКВД, в частности, развернутые сообщения о положении в Латвии, Литве с указанием характеристик войсковых частей, которые могут противодействовать движению Красной Армии и сотрудничать с немецкими военными властями.

Директива НКВД о задачах работы в «освобождаемых районах Западной Украины и Белоруссии» обязывала все операции органов НКВД ставить в зависимость от действий военного командования. Речь шла о взаимодействии разведывательных и контрразведывательных органов прежде всего с военным командованием Красной Армии. Наши же самостоятельные задачи были направлены на то, чтобы выявить и задержать участников, стоящих на оперативном учете, контрреволюционных белогвардейских формирований, таких, как Братство русской правды, Российский общевойсковой союз, поскольку эти организации продолжали оставаться базой для антисоветской работы и шпионажа на отошедших к Советскому Союзу территориях.

В канун 1940 года перед нами встал вопрос нового комплектования кадров органов госбезопасности. Было принято специальное постановление правительства, согласно которому на службу в органы привлекались лица из коренных национальных меньшинств, проживавших на освобожденных нами территориях Польши, Украины, Румынии. Разумеется, имелись в виду те, кто прошел тщательную проверку. Лучшей рекомендацией была работа в подполье, в комсомоле, взаимодействие с подпольными партийными организациями. Среди чекистов призыва 1940 года был и прошедший школу подпольной работы в Румынии, ставший потом партизаном и разведчиком-нелегалом, Герой Российской Федерации Ю. Колесников.

Директива также гласила, чтобы мы ни в коем случае без крайней необходимости, за исключением участников в беспорядках и уголовных преступлениях, не задерживали немецкое население, проживающее как в Западной Украине, так и в Польше. Ряд немецких офицеров, попавших в плен к полякам, были освобождены и переданы нами Германии.

Происходящие события на западных рубежах СССР кардинально изменили оперативную обстановку и условия нашей деятельности. Чем дальше вместе с войсками мы продвигались на Запад, тем ошутимее становилось непосредственное соприкосновение с вероятным противником. Нами уже были установлены посещения руководителями немецкой разведки – абвера – Прибалтики. Немцы исходили из того, что присутствие частей Красной Армии в Прибалтике, в Белоруссии и в Восточной Польше с 1939 года в полосе, которая им знакома, создавало очень большие возможности для изучения Красной Армии, ее организации, структуры, средств связи, уровня боеготовности войск. В этом они опирались на националистические и военизированные организации Прибалтики.

Неоднократный приезды туда шефов абвера Канариса и Пикенброка еще более активизировал широкую агентурную сеть. Тем не менее, в Прибалтийских странах мы располагали неплохими возможностями для выявления деятельности немецкой разведки, поскольку их основные разведывательные центры были нам известны. В сентябре 1939 года нашим службам удалось проникнуть в немецкую агентурную сеть на территории Западной Украины.

Появилась возможность использовать украинские националистические организации, которые в то время вели ожесточенную борьбу за власть. Создание же советско-немецкой комиссии по репатриации открывало возможность нашей агентуре проникать на оккупированную немцами территорию под видом беженцев или лиц немецкого происхождения. Согла-

шение, заключенное между нами и немцами, беспрепятственно разрешало беженцам переселяться на территорию Варшавского генерал-губернаторства и даже в Германию, что для нас было особенно важным. Мы ориентировали своих агентов на длительное пребывание там с целью активно изучать немецкое население, живущее в Прибалтике и на Западной Украине, а также насаждать и вербовать агентуру из тех, кто переселялся в Германию. Эта операция была утверждена Берией и Меркуловым. Когда речь пошла о подготовке вывода на немецкую территорию ряда наших агентов, к этому подключили и меня.

В октябре 1939 года вместе с Фитиным, начальником разведки, и Меркуловым, заместителем Берии, я принимал участие в совещании у Молотова в его кремлевском кабинете. Там находились также начальник оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский (в 50-х годах министр обороны), заместитель наркома иностранных дел Потемкин, начальник штаба ВМФ адмирал Исаков, начальник погранвойск генерал Масленников и начальник военной разведки, кажется, генерал-майор Панфилов.

На повестке дня стоял один вопрос – защита стратегических интересов в Прибалтике. Молотов хотел услышать наши соображения. Советские войска уже находились там в соответствии с договорами, подписанными с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Открывая совещание, Молотов заявил:

– Мы имеем соглашение с Германией о том, что Прибалтика рассматривается как район наиболее важных интересов Советского Союза. Ясно, однако, что хотя германские власти признают это в принципе, они никогда не согласятся ни на какие «кардинальные социальные преобразования», которые изменили бы статус этих государств, их вхождение в состав Советского Союза. Более того, советское руководство полагает, что наилучший способ защитить интересы СССР в Прибалтике и создать там надежную границу – это помочь рабочему движению свергнуть марионеточные режимы.

Из этого заявления стало ясно, каким именно образом мы толковали соглашения с Гитлером. Однако поздней осенью 1939 года появился новый стимул для активизации наших политических, экономических, военных и разведывательных операций в Прибалтике. От наших резидентур в Швеции и Берлине мы получили проверенную и надежную информацию о том, что немцы планируют направить высокопоставленные экономические делегации в Ригу и Таллин для заключения долгосрочных соглашений. Таким образом, Прибалтика оказалась бы под политическим и экономическим зонтиком Германии. Телеграммы из Берлина и Швеции были отправлены за двумя подписями – посла и резидента, что бывало крайне редко и означало: информация имеет важное политическое значение. Полученные в Москве, они с визами Молотова и Берии препровождались Фитину и мне по линии НКВД с приказом Берии немедленно представить по этому вопросу предложения. Телеграммы такого уровня, за подписью послов и резидентов, обычно направлялись нескольким членам правительства.

Фитин ознакомил с телеграммой Гукасова, начальника по работе с националистическими и эмигрантскими организациями в районах, примыкающих к нашим границам. Кстати, именно Гукасов в январе 1939 года требовал на партийном собрании привлечь меня у партийной ответственности за связь с разоблаченным вражеским руководством ИНО. Все еще с подозрением относясь к моей лояльности и, возможно, все еще держа на меня зло, он не передал мне указание Берии и самостоятельно подготовил предложения по противостоянию немецким спецслужбам в Латвии, Литве и Эстонии и в обход меня направил их Фитину. Его план заключался в том, чтобы использовать лишь агентурную сеть в трех республиках Прибалтики, состоявшую из русских и еврейских эмигрантов.

Разразился скандал

Вызвав Фитина и меня и выслушав сообщение Фитина по записке Гукасова, Берия спросил мое мнение. Я честно ответил, что его у меня нет, я не получал никаких указаний и не в курсе германских намерений в Риге; в настоящее время я занимаюсь совершенно другими делами. Берия взорвался от ярости и велел срочно еще раз принести телеграммы. Тут он увидел, что на них нет моей подписи, а у нас было обязательное правило визировать любой секретный документ, проходящий через руки того или иного должностного лица в разведке и направленный для проработки. Гукасова тут же вызвали на ковер – и Берия пригрозил снести ему голову за невыполнение его приказа. Гукасов в ответ, понизив голос, в доверительном тоне на грузинском языке (он был уроженец Тбилиси) сказал буквально следующее. Он действительно не показал мне телеграммы, так как получил информацию от начальника следственной части Сергиенко о наличии материалов, в которых говорится о моих подозрительных контактах с врагами народа – бывшим руководством разведки. Берия резко оборвал Гукасова: надо бросать идиотскую привычку лезть со своими предложениями по вопросам, уже решенным руководством, и раз и навсегда зарубить себе на носу, что приказы должны выполняться беспрекословно и незамедлительно.

– Европа сейчас в огне войны, и задачи разведки в нынешних условиях, – подчеркнул Берия, – стали совершенно иными. – И тут же процитировал Сталина, потребовавшего активного включения оперативных сотрудников разведорганов в политические зондажные операции с использованием любых конфликтов в правящих кругах Иностранных государств.

– Это, – подытожил Берия, – ключ к успеху в свержении нынешних правительств марионеточных государств, провозгласивших свою так называемую независимость в 1918 году под защитой немецких штыков. – Из этой тирады мы сразу поняли, что он имеет в виду государства Прибалтики. – Немцы и раньше и теперь, – продолжал Берия, – рассматривают их как свои провинции, считая колониями германской империи. Наша же задача состоит в том, чтобы сыграть на противоречиях между Англией, Швецией и Германией в этом месте. – При этих словах он повернулся в мою сторону. – Обдумайте все как следует и немедленно вызовите в Москву Чичаева, резидента в Риге. Потом доложите ваши соображения с учетом необходимых сил и средств. Срок – три дня.

Самоуверенная, дерзкая постановка вопроса отражала то новое мышление, которое демонстрировали Сталин, Молотов и Берия после подписания пакта, который явно прибавил им веры в собственные возможности. В районах, уже официально вошедших теперь в сферу наших интересов, мы начинали кардинально новую политику, с тем чтобы изменить политическую систему Прибалтийских государств.

На незнакомой территории

В конце 1939 года пребывание советских войск в Прибалтике и в Западной Украине было оформлено подписанием международных соглашений с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Упорядочился вопрос фильтрации и проверки беженцев, переселявшихся на эти территории, утверждены были инструкции по опросу нарушителей. И самое главное – нами были вскрыты попытки противника всячески активизировать изучение всего, что касалось будущих военных действий Красной Армии. Мы захватили ценные материалы и архивы агентов польской разведки, которые имели непосредственный выход на Германию. Их немедленно отправили в Москву, где была начата работа по использованию их контактов и связей, которые поддерживались польскими консульствами на территории Советского Союза.

После окончания военных действий во Франции немецкая разведка резко активизировала свои действия против СССР. Мы засекли сосредоточение немецких войск вблизи советской границы, что, естественно, вызвало соответствующую настороженность в Москве. После поступления первых же сигналов была принята директива о том, чтобы каждые десять дней направлялись сводки о действиях гитлеровцев на оккупированной территории. Эта директива была разослана в пограничные войска, в местные территориальные органы безопасности и в органы военной контрразведки.

Разведка противника стремилась координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине, в Румынии. Связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины, в Одессу и Крым. Центром их деятельности, как оказалось, были Черновцы.

Большим достижением наших контрразведывательных органов было раскрытие так называемого «немецкого народного управления», занимавшегося шпионажем на территориях, освобожденных Красной Армией. Причем нам стали известны руководители отделений этого «народного управления». Наш новый сотрудник Ю. Колесников сообщал, что «Немецкий народный совет германцев в Бессарабии» возглавляет офицер абвера. Основное направление его работы – сельские колонисты-крестьяне, которыми заправлял спецагент немецкой армейской разведки агроном Раймонд Артур. Было у него и специальное отделение по работе среди женщин. Им руководила также сотрудничавшая с абвером некая Б. Альма. Немецкая резиденатура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Были созданы отделения совета по работе среди молодежи, школьников.

Нас особенно интересовал руководитель культурного отделения профессор Кох Герберт. Когда в этот германский совет прибыл немецкий консул из Черновцов, нами была командирована туда оперативная группа, в которую для усиления маскировки был включен негласный сотрудник советских органов безопасности, немец по происхождению, известный композитор Л. Книппер. При его участии деятельность немецкой агентуры в значительной степени была поставлена под наш контроль. Нам удалось добыть вопросники абвера, которые использовались при подготовке немецкой агентуры.

Ценные сведения о деятельности немецкой агентуры стали поступать по линии Транспортного управления. Переброски немецких войск по железной дороге из Западной Европы в Польшу, Венгрию, Румынию постоянно с 1940 года находились в поле нашего зрения.

Накануне войны также было зафиксировано стремление немецких разведывательных органов насадить свою агентуру в службах Киевского особого военного округа из числа местных жителей, особенно в сфере обслуживания войсковых частей, материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины.

Достижение договоренностей с Германией о занятии территории Западной Украины, а потом и Молдавии усилило и такое явление, как массовый переход на нашу сторону агентов

польской и румынской разведки, что значительно улучшило наши возможности по изучению противника. Крупные оперативные игры, проведенные накануне войны украинским и молдавским НКВД, базировались в значительной степени на перебежчиках, в число которых входили и агенты румынской разведки.

Один из таких перебежчиков в Бессарабии, некто Мельников, будучи связанным с румынской разведкой, перебросил на нашу территорию значительное количество агентуры. Он выдал нескольких связных, работавших на французские разведывательные службы. Причем один из агентов французской разведки «Гебров», захваченный нами, дал очень ценные показания о деятельности французских разведорганов. Он знал многих агентов польской и румынской разведок и опознавал их.

По ходатайству НКВД вынесенный ему смертный приговор был заменен двадцатилетним лишением свободы. Позже, даже в послевоенное время, «Гебров» использовался в качестве опознавателя агентуры немецкой, румынской и французской разведок, а также активно работал в лагерях немецких военнопленных.

В ходе польской кампании возникла еще одна проблема. Связана она была с обновлением и упорядочением взаимодействия разведывательных и контрразведывательных органов, поскольку вся разведывательная работа на новых территориях базировалась первоначально на старых контрразведывательных учетах.

Но этого было явно недостаточно. В сжатые сроки были проанализированы попавшие в наши руки исключительно ценные материалы из захваченных архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб.

Немцы проявляли большой интерес к вербовке советских граждан и перемещенных лиц. Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый «принцип немецкой крови». Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза.

Вскрытые нами центры по подготовке агентуры и для проведения операций против Красной Армии позволили сделать весьма интересный вывод о том, что немцы свое внимание концентрировали преимущественно на ведении чисто военного шпионажа. Они проявляли повышенный интерес к штатам, документам, дислокации и вооружении войск Красной Армии.

Однако мы тогда не понимали, что вся разведывательная деятельность абвера и гестапо была подчинена выполнению функций разведывательного и диверсионного характера для подготовки первого сокрушительного удара по Красной Армии. Теперь очевидно, что задача по добыванию экономической и политической информации противником в значительной мере нами недооценивалась. Мы же, фиксируя относительно слабую работу немецкой политической разведки, склонны были оценивать это обстоятельство как упущение нашей контрразведки, которая не обнаружила «выходов агентуры противника» на руководителей районного звена, колхозов, совхозов и получения информации в их среде. Как выяснилось позже, для этого немцы использовали агентуру из числа активистов националистического подполья.

Несколько слов о том, как комплектовался аппарат органов госбезопасности в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики. Первоначально все штаты были укомплектованы оперативными группами, прибывшими либо из центрального аппарата, либо с периферии. Вопрос встал об укреплении взаимодействия наших резидентур, находившихся в Литве, Латвии и Польше, с местными органами особых отделов Красной Армии, которое было довольно слабым из-за нечеткого распределения между ними зон оперативной ответственности. При этом в оценке обстановки на местах существенную роль играли материалы, которые представлялись 5-м (разведывательным) управлением Генштаба.

Разведка НКВД и военная разведка вскрыли военные приготовления Германии уже в 1940 году. Мероприятия, проводившиеся немецким правительством на оккупированной территории в этот период до весны 1941 года, касались укрепления и освоения немецкой армией

новых территорий. Осуществлялись они последовательно, и в них не усматривалось ничего такого, что говорило бы о создании мощных ударных группировок для ведения полномасштабной войны.

В руководстве разведки по линии НКВД и Генштаба недостаточно понимали, что активные действия немцев в Польше в 1939 году имели две стадии – закрепление на занятой территории и переброску войск для весеннего наступления на Западе. Но обстановка для них изменилась после того, как мы заняли Прибалтику, Бессарабию и вступили в Черновцы. В это время немцам стало ясно, что Красная Армия вышла на совершенно иные рубежи. На восточной границе Германии нами были развернуты три мощные группировки – в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине, а также в районе Одессы. Для немцев, собственно, в этом ничего нового не было. Ведь занятие Прибалтики в ходе секретных советско-германских соглашений было оговорено. Однако мы не раскрывали подробно своих планов, и немцы считали, что советская сторона, согласно подписанным договорам, ограничится только вводом войск прикрытия на территорию Прибалтики. События же, произошедшие в июне – июле 1940 года, застали немцев врасплох, причем в то время, когда их военная машина была запущена на Запад, и переориентировать авиацию, сухопутные войска, флот, чтобы противодействовать нашему утверждению в Прибалтике и Бессарабии, было невозможно. Поэтому в то время Гитлер вынужден был сделать хорошую мину при довольно неудачной игре.

Немецкая сторона послала своим дипломатическим представителям телеграмму, которая была перехвачена нами. В ней говорилось, что беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, произведенная советским руководством с намерением обеспечить тесное сотрудничество с этими странами, касается только России и Прибалтики. Делалось предупреждение: избегать какого-либо осложнения в российско-германских отношениях.

Получение информации об этой директиве было исключительно важным, поскольку давало нам дополнительные возможности чувствовать себя уверенно в проведении всех акций в Прибалтике. Информация, перехваченная из немецкого МИДа, подтверждалась и источником «Юна» в МИДе Германии, с которым держала связь возвратившаяся на оперативную работу весной 1940 года Е. Зарубина.

Однако после завершения военной кампании во Франции в июне 1940 года разведывательное управление Генштаба направило сводку в НКВД и в правительство об изменившейся позиции Германии. Эта информация поступила и в ИНО. Источником ее был «Ариец», агент военной разведки, советник министерства иностранных дел Германии Шелиа, довольно близкий к Риббентропу. По его данным, немцы были согласны с тем, чтобы литовское, латвийское и эстонское правительства приняли советские требования, указывая при этом, что присоединение Советским Союзом Прибалтийских стран явление временное.

Януш Радзивилл

Среди тех, кого мы захватили, войдя в Польшу, был известный польский политический деятель князь Януш Радзивилл и его родственники. Радзивилл не был нашим платным агентом. Но будучи влиятельным деятелем, близким к Герингу, тем не менее активно сотрудничал с нами.

Факты сотрудничества Радзивилла с советскими властями и лично с наркомом внутренних дел Берией почему-то особенно неприемлемы для главного историка Службы внешней разведки России генерала В. Кирпиченко. Ему, видимо, неизвестно, что польской стороне, интересовавшейся, почему не расстреляли родственников Радзивилла, при расследовании Катыньского дела были продемонстрированы документы, подтверждающие эти тайные связи с советскими властями. Тогда было поднято заявление Радзивилла, написанное 13 февраля 1946 года на имя Берии с просьбой об освобождении как интернированного польского гражданина. Я был в числе тех, кто готовил документы о передаче немцам интернированных польских граждан – Радзивиллов, Замойского, Броницкого, Красицкого вместе с семьями. Всего их было 16.

Радзивилл, конечно, был ценным источником. Но ему мы не доверяли. Он попал к нам осенью 1939 года, после захвата Польши немцами. Князь был богатым польским аристократом, имел немалый политический вес. Его поместили на Лубянку для активной разработки. Занимался им лично Берия. Он сумел убедить Радзивилла, что тот должен выступить в роли посредника между советским правительством и Герингом для выяснения деликатных вопросов во взаимоотношениях обеих стран. Мы держали в поле зрения Радзивилла, начиная с середины 30-х годов, и знали, что князь принимал Геринга в своем поместье под Вильнюсом, где тот любил охотиться, позднее эта часть территории отошла к Литве, а в то время принадлежала Польше. Кстати, в своих мемуарах Радзивилл вспоминает о встречах с Берией, который при прощании с ним изрек: «Такие люди, как вы, князь, всегда будут нам нужны».

Об освобождении Радзивилла ходатайствовали перед нами представители знатных аристократических родов Великобритании, Италии и Швеции. В 1940 году, после того как Берия завербовал его в качестве нашего агента влияния, я организовал отъезд Радзивилла в Берлин. Сопровождал его до границы сам начальник внутренней тюрьмы Миронов. Из Берлина мы получали сведения о нем от своей резидентуры: его часто видели на дипломатических приемах в обществе Геринга. В том же году мне было приказано разработать варианты выхода на связь с ним через нашего агента. Мы решили в данном случае связываться с князем по открытым каналам, поскольку он являлся заметной в обществе фигурой и мог свободно посещать советское посольство, не вызывая подозрений. Его, в частности, могла интересовать судьба семейной собственности, оказавшейся на оккупированной территории.

В 1940 году Радзивилла дважды принимал наш резидент в Берлине Амаяк Кобулов, докладывавший об этих встречах Центру. Однако Кобулову не давали никаких инструкций по оперативному использованию польского князя в контактах с немцами. Мы не слишком верили в искренность Радзивилла и поэтому решили не обращаться к нему, тем более что его политические контакты не сулили нам никакой немедленной выгоды. Перед тем как Германия развязала против нас войну, фактически не было таких проблем, где бы можно было его использовать для прощупывания позиции немцев по тому или иному деликатному вопросу; ведь все это время Молотов и наш посол Деканозов поддерживали конфиденциальные отношения непосредственно с Риббентропом и послом Германии Шуленбургом.

Было известно, что Радзивилл не имеет выхода на информацию военно-стратегического характера. Наше решение сводилось к тому, чтобы проявлять максимум терпения и просто ждать, пока Радзивилл поедет в Швейцарию или Швецию, где он будет вне немецкого кон-

троля, и только там войти с ним в контакт. Насколько мне известно, он так туда и не поехал. После нападения Гитлера на СССР Радзивилл как бы ушел в тень, но, по нашим сведениям, оставался в Германии и приезжал в Польшу, наслаждаясь жизнью, насколько это было возможно. В 1942 году на какое-то время его следы затерялись. Оглядываясь назад, я вижу, что мы явно переоценили и личные связи Радзивилла, и его влияние на Геринга...

Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была знакома с Радзивиллом и вхожа к Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией. Позднее она была на личной связи в 1946—1950-х годах у сменившего Берию министра госбезопасности Абакумова. Первоначально предполагалось использовать именно ее для связи с Радзивиллом. У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью передавалась в подчинение боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года.

Бывший чемпион по боксу Миклашевский, выступая как советский перебежчик, приобрел в Берлине немалую популярность после своего знакомства с чемпионом Германии по боксу Максом Шмелингом в 1942 или 1943 году, от которого получил рекомендательное письмо. Миклашевский оставался в Берлине до 1944 года.

Дядя Миклашевского, Всеволод Блюменталь-Тамарин, известный актер, бежал к немцам под Москвой в 1941 году и стал одним из активных участников немецкого антибольшевистского комитета за освобождение СССР. Он с гордостью принял своего племянника, оказывая ему всяческую поддержку как политическому противнику советской власти. В 1942 году Миклашевскому удалось на одном из приемов встретиться с Ольгой Чеховой. Он передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль не проявил к этому особого интереса. В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера.

В 1945 году я встречался с Гарриманом, послом Соединенных Штатов в Советском Союзе. Первая встреча была в Министерстве иностранных дел: меня представили как Павла Матвеева, сотрудника секретариата Молотова, ответственного за техническую подготовку Ялтинской конференции. После первой официальной встречи я пригласил Гарримана на обед в «Арагви», ресторан, известный тогда своей изысканной грузинской кухней. Гарриман с видимым удовольствием принял мое приглашение. Я взял с собой на обед как своего переводчика князя Януша Радзивилла, представленного Гарриману в качестве польского аристократа, оказавшегося в Москве.

Для Гарримана и Радзивилла это была встреча старых знакомых. Гарриман владел химическим заводом, фарфоровой фабрикой, двумя угольными и цинковыми шахтами в Польше. Что было еще важнее, Радзивилл и Гарриман совместно владели угольно-металлургическим комплексом, где были заняты до 40 тысяч рабочих. У себя на родине Януш Радзивилл являлся весьма заметной политической фигурой, будучи сенатором и председателем комиссии сейма по иностранным делам. В 1930-х годах он помогал Гарриману в приобретении акций некоторых польских предприятий в условиях весьма жесткой конкуренции со стороны французских и бельгийских предпринимателей.

В начале 1945 года мне сообщили: Радзивилл задержан и доставлен в Москву; Берия приказал использовать его в зондажных контактах с американцами накануне и во время Ялтинской конференции. В то время наши отношения с Польшей были сложными. Прокоммунистический временный комитет в Люблине объявил себя правительством страны в противовес польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Мы собирались активно использовать Радзивилла, чтобы успокоить проанглийски настроенных поляков. Британские и американские власти между тем, как нам стало известно, начали наводить справки относительно местонахождения Радзивилла, исчезнувшего из их поля зрения.

На обеде в «Арагви» с Гарриманом и Радзивиллом я собирался сказать о нашей терпимости по отношению к католическим, протестантским и православным священнослужителям, даже тем, кто в годы войны сотрудничал с немецкими властями на оккупированных территориях (я лично принимал архиепископа Слипого, одного из иерархов Украинской униатской церкви; несмотря на то, что он тесно сотрудничал с гитлеровцами, ему позволили вернуться во Львов, но уже после Ялтинской конференции его арестовали и отправили в ГУЛАГ по приказанию Хрущева). Я также собирался обсудить за обедом в «Арагви» судьбу священников Русской Православной Церкви и заверить Гарри мана, что Советское правительство не преследует православных иерархов. Из этого мало что вышло, за исключением того, что нам стало ясно, что церковные вопросы и польские дела будут разменной монетой в выстраивании наших отношений с Америкой в послевоенное время. «Оставьте ваших попов в покое. Неужели они вам так мешают? – говорил Гарриман. – Любое ваше действие против священнослужителей вызывает волну во влиятельной прессе, всегда настроенной против вас».

Между Москвой и Западом

Говоря о событиях, происходивших в 1940 году в Латвии, Литве и Эстонии, хотелось бы отметить главное – наши войска вошли туда совершенно мирно, на основе специальных соглашений, заключенных с законными правительствами этих стран. Другой вопрос, что мы диктовали условия этих соглашений, и не без активного участия нашей дипломатии и разведки. Надо сказать и о том, что вряд ли нам удалось бы так быстро достичь взаимопонимания, если бы все главы Прибалтийских государств – Ульманис, Сметона, Урбисис и Пятс, в особенности латышское руководство – Балодис, Мунтерс, Ульманис – не находились с нами в доверительных секретных отношениях. Их всегда принимали в Кремле на высшем уровне как самых дорогих гостей, обхаживали, перед ними, как говорится, делали реверансы.

Существенную роль сыграли и наши оперативные материалы, особенно для подготовки бесед Сталина и Молотова с лидерами Литвы и Латвии Урбисисом и Мунтерсом. Мы могли позволить себе договариваться с ними о размещении наших войск, о новом правительстве, об очередных компромиссах, поскольку они даже не гнушались принимать от нашей резидентуры и от доверенных лиц деньги. Это все подтверждается архивными документами.

Таким образом, никакой аннексии Прибалтики на самом деле не происходило. Это была внешнеполитическая акция Советского правительства, совершенно оправданная в период, предшествующий нападению Германии, связанная с необходимостью укрепления наших границ и с решением геополитических интересов. Но они не могли быть столь эффективно проведены без секретного сотрудничества с лидерами Прибалтийских государств, которые и выторговывали для себя лично, а не для своих стран, соответствующие условия. Некоторые деятели того руководства, связавшись с немцами, ушли на Запад.

Поэтому, когда предъявляются претензии к России как правопреемнице СССР, стоило бы руководству Прибалтийских фронтов, активистам и радикалам из этих движений выдвинуть обвинения не против мифических руководителей так называемого заговора в Вильнюсе или в Риге в 1991 году, а предъявить счет бывшим правительствам Латвии и Эстонии и их приближенным, которые, желая сидеть на двух стульях между Москвой и Западом и возглавлять национальные правительства, предали, как теперь говорят прибалты, свои национальные интересы.

Однако в принципе это не так, ибо коренные интересы Прибалтики в тот период больше склонялись к нашей стране, нежели к фашистской Германии, которая всегда рассматривала Прибалтийские страны как «курортную зону», поэтому не могло быть и речи о передаче Литве Клайпеды или Вильнюса и других территорий. Особые отношения к Советскому Союзу, заложенные руководителями Прибалтийских стран, продолжались всегда, ибо национальная самостоятельность Прибалтийских республик, их государственность были сохранены на деле и обеспечены небывалыми темпами экономического развития. Во всяком случае, был создан потенциал, который они до сих пор используют.

Наши позиции в Латвии были гораздо сильнее, нежели в других Прибалтийских республиках. Здесь мы опирались на компартию, на мощное рабочее движение, а также использовали разногласия в правящих кругах. С нами активно сотрудничал министр иностранных дел Латвии Вильгельм Мунтерс, военный министр Латвии Янис Балодис. Мы также поддерживали доверительные тайные отношения с президентом Латвии Карлом Ульманисом, двоюродным дядей недавнего президента Латвии Гунтиса Ульманиса, оказывая ему значительную финансовую поддержку. Для этих целей резидент НКВД в Риге И. Чичаев имел специальную финансовую контору в Риге. В 1934 году Ульманис, как известно, совершил государственный переворот. Несмотря на заслуги перед НКВД, он был нами репрессирован в 1940-е годы.

Но, пожалуй, самое впечатляющее сотрудничество было налажено нашим резидентом В. Яковлевым в Эстонии. Президент Эстонии Константин Пятс хотя и не подписал вербовочного обязательства о сотрудничестве с ГПУ в 1930 году, тем не менее, был на нашем денежном содержании до 1940 года. По этому поводу, насколько я помню, было даже специальное решение правительства СССР. Пятс был репрессирован, но судьба его хранила. Он долго жил в России и умер уже после смерти Сталина. Бесспорно, человеком он был морально сломленным и всю оставшуюся жизнь провел в одной из психиатрических больниц.

Тот факт, что верхушка Прибалтийских государств тайно сотрудничала с Советским Союзом, наносил сильнейший удар по попыткам англичан после 1940 года создать авторитетное прибалтийское правительство в эмиграции. Немцы вообще отказались от этой идеи, а англичане так и не смогли что-либо сделать. Потому что эмигрантские политические центры хотя и опирались на запасы латышского и эстонского золота в английских банках, тем не менее, должного авторитета в политических кругах не имели.

Кроме того, в Прибалтике произошел раскол националистического движения. Часть его ориентировалась на гитлеровцев, другая – на англичан. Таким образом, они не могли прийти к политическому согласию и единству.

Хочу отметить особую роль министра иностранных дел до 1940 года Латвии В. Мунтерса и военного министра Латвии Я. Балодиса. Это были крупные и яркие политические фигуры.

Летом 1940 года на даче в Майори, где находился Меркулов, прибывший туда в качестве уполномоченного правительства и НКВД в связи с вступлением Прибалтийских стран в состав СССР, состоялся ряд доверительных бесед как с Мунтерсом, так и с Балодисом. Мунтерс лелеял мечту руководить латвийским государством в составе СССР. Именно я с ним вел эти беседы. На первых порах мы сдержали слово, поскольку было неясно, как развернутся события с выборами в Латвии, насколько удастся полностью овладеть ситуацией. Позже Мунтерс был отправлен преподавателем в Воронежский университет, где заведовал кафедрой иностранных языков. Арестовали его перед войной или сразу после нападения немцев. Мунтерс содержался под арестом, но был осужден только в апреле 1952 года Особым совещанием при МГБ и приговорен к 25 годам лишения свободы. Освободили его после смерти Сталина.

Мунтерс был нашей козырной картой. Мы не исключали того, что нам придется вернуться к переговорам с Германией и с Англией по вопросу о статусе Прибалтийских стран. При этом на Мунтерса делалась определенная ставка.

Я выезжал к Мунтерсу, когда он преподавал в Воронеже, и представлялся ему не работником НКВД, а помощником Молотова. Содержание наших бесед сводилось к тому, что Советское правительство видит в нем крупного государственного деятеля в отставке и, предоставляя возможность заниматься педагогической работой, держит его в резерве для внешнеполитических инициатив. Эта игра с ним продолжалась в течение всей войны, хотя он и находился под арестом. Будучи во Владимире на поселении, он выступал в центральных газетах, в частности в «Известиях», на предмет примирения с латышской эмиграцией, придерживался твердой позиции сотрудничества с нами.

Балодису было присвоено звание генерала Красной Армии. Он выступал за военное сотрудничество с Советским Союзом и был настроен против айсаргов – военизированных фашистских организаций, созданных в свое время Ульманисом, лидером латышского Крестьянского союза. Между тем у айсаргов была мощная разветвленная организация. Около 40 тысяч человек объединялись примерно в 21 полк самообороны. Фактически они и составили основу карательных воинских формирований, созданных позже гитлеровцами на оккупированной территории Латвии. Почти все они вступили в немецкий легион СС.

Именно Балодису принадлежит заслуга в разоружении в 1940 году отрядов айсаргов. Он открыто выступил против политики Ульманиса, не скрывая, что стоит за сближение с СССР. Судя по полученной нами оперативной информации, конфликт по этому вопросу был круп-

ным. Ульманис, подозревая Балодиса в сотрудничестве с советской военной разведкой, под видом отпуска по болезни отстранил его от обязанностей военного министра. Он отдал приказ о вооружении отрядов айсаргов и приведении их в полную боевую готовность весной 1940 года. Все это делалось с учетом того, что немцы поощряли латышских националистов в их противодействии Советскому Союзу. При этом они объясняли, что не могут открыто оказывать помощь, но главной задачей для националистов они считают необходимость войти в новую структуру власти в СССР, установить компромисс с русскими, что даст возможность влиять на решение важных политических и жизненных вопросов Латвии.

Прибалтийскую карту пытались разыграть англичане. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, посетивший Советский Союз после разгрома немцев под Москвой, в беседе со Сталиным заявил, что англичане не признают факт присоединения Прибалтийских стран к СССР. Но после того как мы втянулись в войну с Гитлером, взяли на себя всю ее основную тяжесть, и когда англичане и американцы стали нуждаться в нас как союзниках, для советского руководства все вопросы, связанные с компромиссным урегулированием особого статуса Прибалтики в составе СССР, отпали.

Любопытно то, что гитлеровцы уделяли внимания прибалтийским националистам гораздо меньше, чем украинским. Это объяснялось тем, что немецкое руководство опасалось вести активную конспиративную работу с формированиями айсаргов и беженцами из Эстонии и Латвии, предполагая, что они могут быть завербованы английской разведкой. Между спецслужбами западных стран было своеобразное разделение труда. Английская разведка считала Латвию и Эстонию своей вотчиной. Поэтому агентурные комбинации немцев в этих странах в основном были связаны с изучением театра военных действий, подготовкой диверсий. Немцы не доверяли националистическим лидерам Латвии, Литвы и Эстонии. Для них, считавших себя хозяевами положения в Прибалтике, политическое сотрудничество с лицами, пользовавшимися опекой англичан, было совершенно неприемлемым.

Только Сметона сумел бежать из Литвы в Германию, остальные политические деятели Прибалтики попали в наши руки. Часть латышского и эстонского правительств, их элиты оказалась в эмиграции в Англии. Там же хранился золотой запас этих стран.

События в Прибалтике – пример многоходовой комбинации советской внешней политики. Наш приход в Прибалтику во многом зависел от разгрома англо-французских войск в Западной Европе, поскольку Прибалтийские государства ориентировались не только на немцев, но и на англичан. Крах иллюзий относительно поддержки со стороны Англии и Франции был для них не меньшим ударом, чем уступка нам Германией их территорий в качестве сферы интересов Советского Союза. Но ориентация Прибалтийских государств на Англию не прошла даром. Сопротивление советизации здесь приняло наиболее ожесточенный и долгосрочный характер после завершения войны. Англичане воспринимали уход Прибалтики из-под сферы своего влияния как временное явление. В Англии сосредоточилась эмиграция Прибалтийских стран. Поэтому мы вынуждены были вести борьбу как с националистическими элементами, опиравшимися на немцев, так и с теми, кто поддерживал тесные связи с англичанами и французами.

К сожалению, народы Прибалтики не только в глазах Англии и Германии были разменной монетой в стратегических отношениях с Советским Союзом. Аналогичным было отношение к ним и со стороны правительства Швеции. Кстати сказать, Швеция была единственной капиталистической державой, которая «откликнулась» на присоединение Советским Союзом Прибалтийских государств предоставлением нам масштабного кредита сроком на пять лет, имевшего для модернизации промышленности исключительно важное значение. В обмен на гарантии своего нейтралитета и отказ от оккупации Финляндии шведское руководство и деловые круги признали страны Прибалтики де-факто органичной зоной геополитических интересов Советского Союза.

И еще одно немаловажное обстоятельство. События в Прибалтике совпали с активизацией деятельности вокруг ликвидации Троцкого. Было это в мае – июне 1940 года. Я собирался в командировку в Прибалтику. Первый заместитель Берии Меркулов уже находился в Риге. Но после встречи на даче у Сталина я высказал Берии сомнение в целесообразности моего немедленного вылета в Ригу, поскольку мы ожидали срочную информацию из Мексики по операции «Утка», могло быть необходимым мое присутствие в Москве. На что Берия ответил, что командировка в Прибалтику, наше содействие по устранению от власти фашистского националиста Ульманиса – это задание товарища Сталина и оно сейчас чрезвычайно важно для кардинального укрепления безопасности страны. А товарищ Эйтингон, продолжал Берия, облечен всеми полномочиями для принятия решений на месте, и вмешиваться в его действия мы не будем. Немного подумав, он добавил, что для нас чрезвычайно важно решить вопрос по Риге как основному центру Советской власти в Прибалтике, куда должен перебазироваться Прибалтийский военный округ. Это, подчеркнул Берия, имеет первостепенное государственное значение. Что же касается Троцкого, то он в любом случае будет ликвидирован.

О резких расхождениях и натянутых отношениях внутри правительства Латвии – прежде всего между президентом Ульманисом и военным министром Балодисом мы узнали от нашего резидента НКВД в Риге Чичаева, который специально прибыл в Москву. Этот конфликт подрывал стабильность существовавшего режима, уже находившегося под двойным давлением, – нашим и немецким. Немцы, вполне естественно, опирались на своих преданных сторонников в экономических управленческих структурах и деловых кругах, в то время как мы рассчитывали на влияние среди левых групп, связанных как с компартией, так и с профсоюзами. Как бы там ни было, Латвия, как, впрочем, и другие государства Прибалтики, по существу являлась буферной зоной между нами и Германией. План создания широкой коалиции, когда в правительстве должны быть представлены как немецкие, так и советские интересы, также обсуждался на встрече в кремлевском кабинете Молотова. Узнав о таком варианте, президент Латвии Ульманис выступил резко против, между тем как министр иностранных дел Вильгельм Мунтерс неожиданно одобрил эту идею. Обстановка в республике накалялась еще и потому, что там ширилось и поддерживаемое нами забастовочное движение. Углублялся и экономический кризис, вызванный начавшейся войной: традиционные торговые связи региона с Британией и Западной Европой оказались оборванными.

Чичаев и Ветров, советник нашего полпредства в Риге, пришли ко мне, и Ветров предложил сыграть на личных амбициях Мунтерса, чья репутация в Берлине была довольно устойчивой из-за его частых встреч с Риббентропом. Что касается Ульманиса, то его правительство не пользовалось особой популярностью в результате ошибок в экономической области, с одной стороны, примиренческой позиции, занятой им по отношению к шовинистически настроенным немецким бизнесменам в Риге – с другой. Эти коммерсанты скупали все наиболее ценное, что было в республике, широко пользуясь теми преимуществами, которые открывались перед ними из-за прекращения торговых связей Латвии с Западной Европой.

Кстати, около семидесяти процентов всего латвийского экспорта шло в Германию – по существу по демпинговым ценам. Я информировал Берию и Молотова, что правительство Латвии опирается не столько на поддержку регулярных воинских формирований, сколько на вспомогательные полицейские части, составленные в основном из сыновей фермеров и мелких торговцев.

По нашему убеждению, министр иностранных дел Мунтерс был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить правительство, приемлемое как в немецких, так и в советских интересах. Когда он обязал ведущие латвийские газеты опубликовать фотографию Молотова (в честь его 50-летия), мы восприняли это как знак его готовности установить личные контакты с Молотовым. Наша реакция была незамедлительной: мне тут же выдали дипломатический паспорт на имя Матвеева, а Мунтерса информировали о том, что с ним хотел бы встретиться Матвеев,

специальный советник Молотова, для того чтобы латвийский министр мог через него передать все то важное, что у него могло быть помимо протокола. Эти неофициальные послания будут затем вручены советскому руководству. Был июнь 1940 года – и действовать следовало срочно. Вот почему до Риги я добирался не поездом, а на борту скоростного советского бомбардировщика. В Риге я вместе с Ветровым нанес тайный визит Мунтерсу, выразив во время нашей встречи пожелание Советского правительства как можно скорее произвести перестановки в составе кабинета министров республики, с тем чтобы он, Мунтерс, смог возглавить новое коалиционное правительство.

Мой визит был частью комплексной операции по захвату контроля над правительством Латвии. Находясь в Риге под видом советника Молотова, я докладывал обо всем Меркулову, у которого был прямой выход по телефону на Молотова и Берия. Между тем правительству в Риге был предъявлен ультиматум. В результате президент Ульманис вынужден был уйти со своего поста, наши войска оккупировали Латвию, и экс-президента арестовали. Обстановка изменила правила игры. Немцы оказались слишком глубоко втянутыми в военные операции на Западе, чтобы интересоваться событиями, происходящими в Латвии. В связи с этим Молотов и Сталин решили поставить во главе Прибалтийских государств не тех, кто устраивал бы обе стороны (как, например, тот же Мунтерс), а надежных людей, близких к компартии. Правда, некоторые из первоначальных условий, предполагавших создание коалиционных правительств, все же сохранялись. Так, скажем, латвийским и эстонским генералам были присвоены звания, аналогичные званиям в Красной Армии, а Мунтерса хотя и арестовали, но сделали это не сразу.

Вместе с Ветровым я отправился в резиденцию Мунтерса, где нами были предприняты все меры, чтобы упаковать его имущество и без лишнего шума вывезти всех членов семьи в Москву. Оттуда их перевезли в Воронеж, где Мунтерса определили на должность профессора в Воронежский университет. Немецкую сторону мы официально уведомили, что по-прежнему считаем Мунтерса политически значимой фигурой. Находясь под нашим контролем, он встречался в Москве за обедом с немецкими дипломатическими представителями, но судьба его уже была решена, и ему не удалось стать даже марионеточным главой правительства. В 1941 году, когда началась война с Германией, Мунтерса арестовали и приговорили к длительному сроку тюремного заключения за деятельность, враждебную Советскому правительству.

Судьба Прибалтийских государств, которую первоначально определяли в Кремле и в Берлине, во многом похожа на судьбу восточноевропейских, предрешенную в свое время в Ялте. Сходство тут разительное: и в том и в другом случае предварительным соглашением предусматривалось создание коалиционных правительств, дружественных обеим сторонам. Нам нужна была буферная зона, отделявшая нас от сфер влияния других мировых держав, и мы проявляли готовность идти на жесткую конфронтацию в тех районах, где к концу войны находились войска Красной Армии. Снова повторюсь: задачу построения коммунизма Кремль видел главным образом в том, чтобы всемерно укреплять мощь Советского государства. Роль мировой державы мы могли играть лишь в том случае, если государство обладало достаточной военной силой и было в состоянии подчинить своему влиянию страны, находящиеся у наших границ. Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы, влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была идеологической, она постепенно стала реальным политическим курсом. Такая возможность открылась перед нашим государством впервые после подписания Пакта Молотова – Риббентропа. Ведь отныне, как подтверждали секретные протоколы, одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы.

Прибалтика по своему территориальному положению всегда являлась сферой пересечения многих держав. Ею интересовались Германия, Англия, Советский Союз. В наши дни к ней выражают повышенное внимание и США. И сегодня вопрос стоит иначе: чьи интересы будут

доминировать там в ближайшее время? Причем вне зависимости от форм социально-политического устройства. Однако при любом раскладе с двумя существенными факторами придется считаться особенно, поскольку обстановка нынче совершенно иная по сравнению с тем, какой она была в 1940 году. В то время экономическая зависимость Прибалтийских стран от СССР была очень незначительной. Сейчас она – превалирующая. И второй фактор – это русское население. Прибалтийские страны получили независимость в 1991 году в ускоренном порядке из-за грубейших просчетов советской внешней политики. Горбачев, понимая свою обреченность, делал дополнительные уступки Европе, надеясь получить от нее поддержку в критический момент борьбы с Ельциным, что Запад поможет финансовыми и материальными ресурсами, будет способствовать удержанию его у власти в противостоянии с российским руководством. Русское население Прибалтийских стран было забыто. Оно оказалось отодвинутым от властных структур, потеряло гражданство, переместилось на второстепенные роли. Но, тем не менее, его из Прибалтики не выдавить. Это существенный фактор нестабильности в этом регионе. И судя по всему, он будет существовать довольно долго. С ним придется считаться.

Пакт Молотова – Риббентропа имел для нас еще одно последствие – присоединение Западной Украины. После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупационных войск. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных – тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х годов. О том, что творилось в Галиции, я узнал лишь в октябре 1939 года, когда Красная Армия заняла Львов. Первый секретарь компартии Украины Хрущев и его нарком внутренних дел Серов выехали туда, чтобы проводить на месте кампанию советизации Западной Украины.

Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, Организация украинских националистов (ОУН) действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности, которого, увы, не было у серовской «команды». Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост; они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой «пустяк», как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать.

Пакт Молотова – Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, планам, активно поддерживаемым в 1938 году Англией и Францией. Эта идея была торпедирована Бенешем, который согласился со Сталиным в том, что Карпатская Украина, включавшая также часть территории, принадлежавшей Чехословакии, будет целиком передана Советскому Союзу. Коновалец, единственный украинский лидер, имевший доступ к Гитлеру и Герингу, был, как известно, ликвидирован в 1938 году (когда-то он служил полковником в австрийской армии и пользовался в кругах немецких «наци» некоторым уважением). Другие националистические лидеры на Украине не имели столь высоких связей с немцами – в основном это были оперативники из абвера

или гестапо, и британские или французские власти не придавали этим людям сколько-нибудь серьезного значения и не делали на них ставки, когда разразилась война.

В соответствии с секретным протоколом между Молотовым и Риббентропом СССР не должен был препятствовать немецким гражданам и лицам немецкой национальности, проживавшим на территориях, входящих в сферу наших интересов, переселяться по их желанию в Германию или на территории, входившие в сферу германских интересов. Мы, конечно, воспользовались этими условиями для решения своих целей.

Накануне войны немцы пытались наладить сотрудничество с оуновцами. Их директива «О едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН», принятая 22 декабря 1940 года, согласовывалась с немецкой разведкой. В ней, как нам стало известно, говорилось, что «Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить Советы и создать свое украинское государство». Поэтому необходимо, чтобы на Украине действовала организованная политическая национальная сила, которая возглавила бы вооруженное восстание и повела народ к победе. «Такая сила у нас есть, утверждалось в директиве, это – ОУН в союзе с немцами. Она действует, организывает украинские массы, выводит их на борьбу». В директиве ставились задачи террористического и диверсионного характера, шла речь о создании центра политического и военного руководства, а также подготовке и обучении кадров. «Мы должны захватить в свои руки военные пункты и ресурсы Донбасса, морские порты, увлечь за собой молодежь, рабочих, крестьян и армию. Мы должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага и рассеять его силы. Украинское военное восстание на всех украинских землях, на всех советских территориях, чтобы довести до полного развала московскую советскую тюрьму народов».

В установках ОУН была объявлена беспощадная война всему украинскому и русскому народу, поддерживающему Советскую власть, зафиксировано «требование о ликвидации врага, указывались функции службы безопасности», которая должна была выявлять коммунистов.

В этих документах содержались и грубые политические ошибки. Например, в них указывалось, что самые большие партизанские действия происходили на Украине в 1924 году, что генерал-хорунжий формирований украинских националистов Тютюник «является великим партизаном». На самом деле Тютюник в результате блестяще проведенной оперативной игры украинским ГПУ был выведен с территории Польши вместе со своим формированием на территорию советской Украины, амнистирован... и заявил о признании Советской власти. Впоследствии, правда, он был репрессирован в связи с противодействием политике коллективизации.

Глава 5. События на Балканах

Беседы с послом Югославии Миланом Гавриловичем

Советское руководство накануне войны владело исчерпывающей достоверной информацией о развитии ситуации на Балканах. Важнейшим нашим источником сведений был сотрудничавший с ИНО ОГПУ – НКВД с 1934 Года видный болгарский дипломат Иван Стаменов («Наследник»). Он был привлечен к работе с нами опытным сотрудником ИНО П. Журавлевым.

С назначением в 1940 году Стаменова послом Болгарии в Советском Союзе связь с ним была передана мне. У нас появился доступ к документальной информации о реальных намерениях и переписке правящих кругов Болгарии с немецким руководством. Знаменательно, что на Переговорах Гитлера и Молотова в ноябре 1940 года в Берлине болгарский вопрос вызвал очень резкую реакцию Немцев. Мы располагали тогда всей информацией о действиях Гитлера и намерениях Болгарского правительства. Наша осведомленность базировалась на документах и шифропереписке, а также на сообщениях Стаменова, поскольку он получал инструкции от главы правительства и ОТ царской семьи, в которую он был вхож.

Но что парадоксально? Наша осведомленность о складывающейся обстановке, предложение заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, сделанное нами, кстати, по подсказке Стаменова, ссылавшегося на противоборство в ее правящей группировке, не дали должных результатов. И это несмотря на то, что мы выступили с очень **ВЫГОДНЫМИ** для Болгарии предложениями не только о заключении пакта, но и предоставлении ей дополнительной Территории во Фракии в случае неблагоприятного для Греции исхода войны с Италией и Германией.

К началу работы со Стаменовым относится также установление моих тесных рабочих отношений с А. Вышинским, в то время заместителем наркома иностранных дел.

В оценке кризиса в советско-германских отношениях, который начался осенью 1940 года в связи с событиями на Балканах и нарастанием угрозы войны в этом районе, важно иметь в виду следующие обстоятельства, касающиеся использования наших агентурных возможностей. Официальная позиция Советского Союза, как мне разъяснял Вышинский, заключалась в том, что СССР, с одной стороны, стремился подписать пакт о взаимопомощи с Болгарией, с другой же – этот пакт не предполагал выхода Болгарии из сферы особых отношений с Германией и Италией. Речь практически шла о том, что мы ни в коем случае не собираемся конфликтовать с немцами и противодействовать вступлению болгар в какие-либо договорные союзнические отношения с ними.

На первый взгляд может показаться, что это половинчатая и беспринципная позиция. Однако для нас это было чрезвычайно важным, ибо речь шла об использовании Стаменова, с которым я неоднократно встречался, в выработке компромиссных договоренностей с немцами и их союзниками, чтобы оттянуть войну. Наша попытка воздействовать через Стаменова на царскую семью в Болгарии была важным моментом политической линии, поскольку мы связывали тем самым свободу действий немцам на Балканах. К болгарским делам и взаимодействию со Стаменовым активно подключился руководитель Коминтерна Г. Димитров, причем эти дела он не передоверял своим заместителям.

Из бесед со Стаменовым у меня сложилось впечатление, что болгарские правящие круги были напуганы нашим предложением в отношении пакта о взаимопомощи. Левая оппозиция и рабочее движение в это время в Болгарии были довольно мощными. Поэтому правящие круги боялись, что улучшение отношений с СССР будет способствовать укреплению позиции Бол-

гарской компартии. Это толкало не только царя Бориса, но и его окружение на союз с англичанами и немцами.

Установление важного контакта с послом Болгарии в Москве осенью 1940 года стало, однако, прологом еще одного драматического эпизода в действиях разведки и дипломатии на балканском направлении в преддверии неумолимо надвигавшейся германо-советской войны.

В конце октября 1940 года или в самом начале ноября накануне поездки Молотова в Берлин меня неожиданно вызвал Берия, в кабинете которого я застал П. Федотова, начальника контрразведки, и приказал нам срочно явиться к заместителю наркома иностранных дел Вышинскому. Суть поручения состояла в том, чтобы, контактируя с Вышинским, вступить в неформальные доверительные отношения с послом Югославии в СССР Миланом Гавриловичем. Последний по своей инициативе вышел на Вышинского и проинформировал его об обострении обстановки на Балканах и борьбе внутри югославского руководства. Гаврилович рассказал о недовольстве, которое зреет в Югославском правительстве в связи с тем, что германские войска войдут в Болгарию, оккупируют Фракию, что резко обострит болгаро-югославские отношения.

Принявший нас с Федотовым поздно ночью Вышинский пересказал нам разговор с Гавриловичем и сообщил, что с санкции товарища Берии на меня с Федотовым возлагается предварительное обсуждение вопросов, вносимых югославским послом на рассмотрение наркомом иностранных дел и правительством. Вышинский торопил нас подготовиться к разговору с Гавриловичем, который просил принять его в ближайшие дни, когда он будет иметь новые сведения о дальнейшем развитии событий на Балканах.

Таким образом, Вышинский хотел быть заранее подготовленным к обсуждению с послом Югославии острых международных проблем, имея возможность переговорить о них с Молотовым.

Берия поручил мне и Федотову начать работу с Гавриловичем ввиду того, что, по нашим данным, он имел особые отношения с англичанами. Мы рассматривали его как «двойника», негласного английского посредника в международных консультациях по проблеме Балкан, зная, что Гаврилович очень часто ездил за консультациями к английскому послу в Москве С. Криппсу.

Прослушивая английское посольство, мы имели довольно точные данные о теме его общения с англичанами. Прослушивание нами апартаментов югославского посольства подтверждало, что Гаврилович, во-первых, заинтересован в налаживании доверительных связей с нами, во-вторых, он поднимал вопрос о необходимости изменений в югославском руководстве, поскольку внутренние противоречия обостряются и по этой причине югославские военные круги не могут не быть заинтересованными в установлении особых отношений с «советскими военными инстанциями».

Именно в это время Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину с предложением отказаться от договоренностей с Германией и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера в обмен на признание публично осуждаемой английскими правящими кругами советской оккупации Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши и Северной Буковины. Таким образом Черчилль наглядно подтвердил, что судьбы народов этих стран, политическое устройство западных районов СССР не более чем разменная монета в большой политической игре и что геополитические интересы Советского Союза в этом регионе законны и оправданы.

Предложение англичан было явно провокационным, поскольку буквально через две-три недели британский Форин-офис предал гласности секретное обращение Черчилля к советским властям в открытой печати с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы Советского правительства Молотова в ноябре 1940 года.

В этих условиях после возвращения Молотова из Берлина было принято высшим руководством решение использовать инициативу Гавриловича для негласной, незаметной для немцев координации действий Англии и Советского Союза на Балканах. Поскольку Гаврилович рассматривался как «двойник», осуществить эту операцию в Москве можно было, лишь организовав теснейшее взаимодействие разведки и контрразведки НКВД. Однако несмотря на прекрасное информационное обеспечение нашего правительства и дипломатии, Советскому Союзу не удалось в силу неблагоприятного для нас соотношения сил переломить развитие событий на Балканах в свою пользу, не удалось связать Гитлера длительной военной кампанией в Югославии и Греции.

Я и Федотов были представлены Гавриловичу Вышинским как советники аппарата Наркомата иностранных дел, с которыми ему предварительно следовало встречаться, обсуждать содержание вопросов, прежде чем официально ставить их перед Советским правительством. Во время второй встречи с Гавриловичем в ресторане «Арагви» после его инициативного обращения с предложением о доверительном сотрудничестве с советскими представителями мы поставили перед ним проблемы по линии его отношений с англичанами. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что выходим на вопросы, непосредственно затрагивающие интересы широкого круга Балканских стран.

Беседы с Гавриловичем мы проводили почти всегда вдвоем с Федотовым. Иначе и быть не могло, ведь мы имели дело с «двойником». По окончании бесед делались соответствующие записи, и если разговор был наедине, то сравнивали их. Полученная информация докладывалась руководству. Одновременно мы контролировали поведение Гавриловича. К сожалению, нашей дешифровальной службе не удалось перехватить сообщения, передаваемые им через англичан в Белград, по предложениям о военном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Тогда же возникла идея реализации замысла, который был отвергнут в 1938 году, по свержению правительства Стоядиновича в Югославии, на чем в свое время настаивал Бенеш.

Совершенно неожиданно в нашу работу вмешался ночной звонок Вышинского Федотову. Тот перезвонил мне, и мы вскоре были у заместителя наркома. Оказалось, что спустя неделю после того, как Гаврилович изложил ему балканские проблемы, к Вышинскому явился английский посол Криппс и почти слово в слово пересказал предложения Гавриловича. Таким образом, окончательно стало ясно, что хотя Гаврилович и ведет самостоятельную игру от имени Югославского правительства, тем не менее в этом активно участвуют англичане. Возник вопрос: насколько полно контролируют англичане Гавриловича. С помощью слухового контроля и перехвата шифротелеграмм мы убедились, что стопроцентного контроля за ним нет. Каждая из сторон в этой игре преследовала свои самостоятельные цели. Немцы с подозрением относились к нашим прямым контактам с англичанами. А нам было важно негласно обмениваться мнениями о будущем Балканских стран, о проблеме черноморских проливов, проходе через них военных кораблей стран, о позиции Турции.

Гаврилович активно участвовал в двойной игре. Это подтверждалось и в английских шифровках, попавших в наши руки в Турции. В них англичане сообщали в беседе с нашим резидентом, что они в курсе переговоров, которые югославы ведут с советским представителем в Москве. Это нервировало и настораживало Берию, Молотова и Вышинского. Но тем не менее контакт с Гавриловичем был активно использован нашим Разведупром Генштаба. Когда вызревал вопрос об акции в Белграде, то большую роль в этом сыграла наша военная разведка, в частности Голиков, который встречался с югославскими представителями, тайно прибывшими в Москву.

Особенно нервничал Вышинский. Это было очень заметно, когда я рассказывал о встречах с Гавриловичем перед его официальными встречами с послом. Был даже такой эпизод, о котором он сам мне рассказал. Ведя записи бесед с Гавриловичем, которые направлялись «наверх», он забыл указать ряд важных моментов беседы. Поэтому был вынужден сделать

дополнение к ней и отправить его Молотову. Речь шла об изменениях в позиции Югославского правительства.

Думаю, однако, что причиной волнения Вышинского было то обстоятельство, что информация о контактах с Гавриловичем поступала Сталину и Молотову как по линии НКВД, так и по линии Наркомата иностранных дел.

Когда готовился переворот в Югославии, именно мы с Федотовым советовали Вышинскому проинформировать югославские военные круги, чтобы они не давали немцам формального повода для нападения. И действительно, после переворота с нашей и английской помощью, Югославское правительство сразу же заявило о соблюдении всех договоренностей с Германией. Вместе с тем мы несколько перестарались. Меркулов сообщил о будущих событиях в Югославии с санкции Сталина в Коминтерн Димитрову. Югославская компартия сразу же заявила о поддержке переворота. Через несколько часов после того, как военные взяли власть, в Белграде вышли на демонстрацию рабочие с лозунгами: «Да здравствует независимая Югославия!», «Да здравствует Сталин!» Как мы вскоре узнали, это повергло резидента немецкой разведки в Белграде в сильнейший шок.

Возникла пикантная ситуация в оценке обстановки, связанной с работой по Гавриловичу. Формально наркомом госбезопасности был Меркулов. Он осуществлял руководство Разведывательным и Контрразведывательным управлениями. Но как только речь заходила о чрезвычайных вопросах, которые докладывались непосредственно Сталину, Берия вмешивался в работу, как бы отстраняя наркома госбезопасности. Авторитет Берии был непререкаем. Ему сразу же доложили о контактах с Гавриловичем. Меня поразило, что Берия не чувствовал себя абсолютно уверенным и категорически запретил мне и Федотову советоваться с Гавриловичем по тем вопросам, которые он ставит перед правительством. Мы были вынуждены предложить Гавриловичу перейти на оперативный режим каждодневной связи с Вышинским. Было дано указание НКВД принимать Гавриловича и югославов вне всякой очереди.

Складывалось впечатление, что югославы стремятся к полному сотрудничеству с нами. Член югославской делегации Б. Симич, встречаясь с начальником Разведывательного управления Генштаба Голиковым, несколько раз отмечал, что югославы испытывают недоверие к англичанам, которые не смогут оказать эффективную помощь в случае немецкого нападения, и что они склонны работать с нами.

Дверь для тайных переговоров открыта

Сотрудничая с Гавриловичем и зная при этом о его «двойном» имидже, мы, по сути, негласно сотрудничали с англичанами. Это классический пример того, как решались вопросы на Балканах великими державами, пример тайной дипломатии, когда официально мы не считали для себя нужным связываться с англичанами какими-либо договоренностями по поводу политики на Балканах, за исключением известных вопросов в отношении устья Дуная и других международных договоренностей всех заинтересованных стран.

Когда же речь шла о такой важной стороне, как создание потенциального фронта против Гитлера и сдерживание его, мы предпочитали поддерживать с англичанами тайные связи, негласно сотрудничая в вопросе об укреплении антигерманских позиций на Балканах через Югославию. И если бы не было этого сотрудничества, этой интриги с Гавриловичем, то не было бы соответственно тех деликатных отношений с Черчиллем, которые установились позже.

Черчилль тогда сразу смекнул, что взаимопонимание между Германией и Советским Союзом портится, и именно в контексте этого неофициального сотрудничества, когда обе стороны друг другу не признавались в общих целях, которые они преследовали на Балканах, сразу же после югославских событий отправил известное предостережение Сталину о нападении Германии, сочтя, таким образом, что негласный контакт установлен.

Из наблюдений за двойной игрой Гавриловича нам было ясно, что по ряду вопросов, которые я и Федотов задавали ему, например, о возможности будущего военного союза с Югославией, об угрозе ее расчленения, он ставил в известность Белград, прибегая к шифропереписке через английское посольство. Но и мы, и англичане делали вид, что ничего не замечаем, и продолжали плести вокруг этого интригу. Первыми инициаторами нашего сближения были сами югославы. Хотя Гаврилович не питал никаких симпатий к советскому режиму, он пришел к нам сам осенью 1940 года вместе с военным атташе Поповичем. Их интересовал вопрос о поставках советского оружия Югославии. Эти беседы велись неофициально, однако нам было абсолютно ясно, что они выполняют директивы своего правительства, поскольку вслед за этим последовала особенная активность со стороны югославы. Хотя вопрос был очень принципиальным и созвучным с кризисом в Югославии, для нас он был, что называется, обоюдоострым. Мы выступали совершенно четко против расчленения страны, на чем настаивали немцы. Но поскольку югославы сотрудничали с венграми, мы были уверены, что любые наши договоренности о поставках оружия станут известны немцам. Поэтому наше руководство не спешило. Кроме того, появилась еще одна причина: сменился начальник Генерального штаба Мерецков, который первоначально был в курсе этих переговоров.

С Поповичем в тесном контакте была наша военная разведка. Но она не могла вести работу без опоры на контрразведку в Москве, которая обслуживала все эти встречи. При участии такого количества людей вряд ли возможно было все сохранить в тайне. К тому же англичанам очень нравилось поддразнивать немцев. В результате произошел крупный скандал – спровоцированная англичанами утечка в американские газеты о том, что Советский Союз и Югославия ведут тайные переговоры о военном сотрудничестве. Последовало наше опровержение, а за ним большой «нагоняй», который я и Федотов получили от Берии, Меркулова, а затем и от Вышинского.

В марте 1941 года к нам поступили важные данные от близкого к Криппсу корреспондента американских газет в Москве, ярого антисоветчика Г. Шапиро, одновременно работавшего на нас и американскую разведку. Шапиро был авторитетным специалистом по России. НКВД даже устроило ему интервью со Сталиным. После беседы с Криппсом Шапиро доверительно сообщил Федотову, что англичане в случае военного конфликта между СССР и Герма-

нией в связи с развитием кризиса на Балканах ни в коем случае не пойдут на мирное соглашение с Гитлером.

Вскоре к нам по поручению Черчилля обратился Криппс с просьбой организовать ему самолет и отъезд для участия в важных ближневосточных переговорах. Появление Криппса в Анкаре и Стамбуле не прошло мимо внимания немцев. Англичане сделали верный вывод о том, что в долгосрочном плане возможно и сотрудничество с Советским Союзом. Это уже было в конце апреля 1941 года, после разгрома Югославии. Они очень высоко оценили тот факт, что мы пошли на соглашение с югославским Правительством, хотя нам было известно, что югославы воспользовались не только нашей, но и их поддержкой в организации антигерманского переворота.

Быстрый разгром Югославии для нас не стал полной неожиданностью: слабость сербской позиции была ясна заранее. Возникла необходимость в оформлении отношений с Гавриловичем. Он был проинформирован, что Советский Союз вынужден будет закрыть югославскую миссию, но при этом не шла речь о том, что он должен покинуть Советский Союз.

В этом было принципиальное отличие от других миссий, скажем, Бельгии, Норвегии. Перед Гавриловичем был поставлен вопрос: могут ли югославы оставить у нас для ответственных поручений сотрудника югославской военной разведки Симича. На это был дан положительный ответ.

Мы оказали содействие Югославии в покупке барж по линии Наркомата внешней торговли для вывоза воинского персонала через Румынию по Дунаю.

Затем мы дали твердое заверение Гавриловичу, Симичу и будущему югославскому правительству, что Советский Союз ни при каких условиях не признает правительство Хорватии и других откалывающихся югославских республик, хотя гитлеровцы уже поспешили объявить о признании независимости Хорватии.

Из последних бесед с югославами стало известно, что среди немцев распространяются карты приграничных районов СССР. Идет активная подготовка к военным действиям.

Надо отметить, что наш Генштаб, его военные аналитики оказались не на должной высоте. Маневренный характер современной войны, наступательные операции немцев одновременно в нескольких направлениях не были учтены, так как они резко контрастировали со схемой Первой мировой войны – нанесением главного удара на одном решающем направлении.

Внешнеполитическая активность англичан в труднейший для них период войны в отношениях с СССР нарастала. Нами же принимались соответствующие меры предосторожности. После югославских событий Сталин избегал лично принимать английского посла Криппса, «спускал» его сразу на уровень заместителя наркома иностранных дел. Для нас, как уже говорилось, было важным не оказаться в глазах немцев втянутыми в какие-либо серьезные внешнеполитические переговоры со злейшим врагом Гитлера Черчиллем. Советское руководство начало склоняться к варианту секретной проработки вопроса о будущих союзниках в неизбежной войне с Гитлером, имея в виду нейтральную тогда державу, но фактически союзника Англии – Соединенные Штаты Америки. Тем более что из кругов, близких к влиятельному соратнику Рузвельта министру финансов Г. Моргентау, мы получали ясные сигналы о желании начать секретный диалог по этому вопросу.

С. Криппс, между тем, не хотел выпускать инициативу в установлении доверительных отношений из своих рук. Однако ему это не удалось. Сталин, зная Криппса как лейбориста, хотя и близкого к Черчиллю, не санкционировал Вышинскому установления с ним доверительных отношений.

Помимо чисто дипломатических переговоров, направленных на то, чтобы оттянуть войну и прощупать будущих союзников, руководством Наркомата обороны и НКВД с санкции Сталина предпринимались и собственные контрмеры. Мы приводили войска в повышенную боевую готовность, однако четкого представления о ее реальном состоянии у нас не было.

Началась переброска армий с Дальнего Востока, с Кавказа, Средней Азии – создание так называемого второго эшелона. Был издан ряд директив о тайной мобилизации войск и агентуры по линии НКВД, о приведении в боевую готовность нашей резидентуры в Германии, и одновременно проводилась подготовка к мобилизации чекистских кадров, находившихся в запасе.

Но на переднем крае мобилизационных действий оказалась военная контрразведка. Ее руководство за полгода до начала войны разработало и утвердило инструкции и боевые уставы для действий в «особый» период, то есть в период войны. Мы же в Разведуправлении начали проводить в жизнь эти меры в большой спешке лишь в апреле – мае 1941 года.

Глава 6. Немецкие спецслужбы накануне войны

По установленному порядку разведывательные органы должны докладывать правительству обо всех сигналах слухов, связанных с угрозой большой войны или локального военного конфликта. Это, можно сказать, их святая обязанность. По этой причине иногда случалось, что мы идя на поводу немецкой дезинформации, оказывались ее жертвами. Весной 1941 года немцам не раз удавалось переиграть советские резидентуры в Берлине, Софии, Бухаресте, Братиславе, Анкаре. Нашей главной ошибкой был преувеличение роли немецкого посла в Москве графа Шуленбурга, который при встречах неизменно подчеркивал заинтересованность немцев в развитии экономических отношений с Советским Союзом.

Вместе с тем надо иметь в виду и тот факт, который неправомерно отрицается, что в немецком руководстве были серьезные разногласия в отношении войны против СССР и что окончательное решение о нападении было принято 10 июня 1941 года, то есть за 12 дней до начала военных действий.

Мне могут возразить, ведь план «Барбаросса» был представлен на утверждение Гитлера еще в декабре 1940 года. Но разработка военных планов, в том числе наступательных широкомасштабных операций, была обычно практикой всех генеральных штабов крупнейших держав Европы и Азии в 1930—1940-е годы. Для нас никогда не было секретом, что такого рода планы разрабатываются фашистской Германией. Другое дело – политическое решение о развязывании войны и об осуществлении на практике замыслов военного командования.

Для германского руководства вопрос о войне с СССР в принципе был решенным. Речь только шла о выборе благоприятного момента для нападения. С военной точки зрения время для начала военных действий было выбрано Гитлером безошибочно. Немцы верно оценили сравнительно низкий уровень боеготовности войск Красной Армии, дислоцированных в приграничных округах. Для Гитлера было выгодно навязать нам войну в то время, когда техническое перевооружение механизированных корпусов и нашей авиации не было завершено.

И все же если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 года, то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии. Здесь немцы достигли значительно большего результата.

Но зато немецкая военная разведка – абвер – эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в пограничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Белоруссию и Западную Украину. «Дезертиры» выдавали себя за австрийцев, призванных на немецкую военную службу после аншлюса Австрии. Этот маневр абвера, который вел свои операции в Румынии, Польше и Болгарии, нам удалось вовремя разгадать. Агенты-австрийцы, такие как Иоган Вечтнер, Франц Шварцель и другие, были опознаны и обезврежены.

Допросы липовых перебежчиков позволили нам впервые узнать о конкретных руководителях немецких разведывательных органов. Мы установили, что своих агентов немцы готовили для краткосрочных диверсий непосредственно в нашем тылу. Было абсолютно ясно, что немецкое командование активно изучает будущий театр военных действий. Однако, к сожалению, мы не сделали из этого выводов, что Гитлер планирует молниеносную войну.

Весной и в начале июня 1941 года абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе

аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки. В актив абвера надо записать вывод из строя 22 июня узлов связи Красной Армии.

Удары немецкой авиации по нашим аэродромам оказались четко спланированными. Наиболее жестоким бомбардировкам подверглись аэродромы Юго-Западного фронта. Особенно сильно пострадала авиация, находившаяся в Черновцах, Станиславе – Ивано-Франковске, Результаты налетов оказались ошеломительными и для Белорусского (Особого) военного округа. Практически полностью были уничтожены самолеты, запасы горючего. Наша авиация понесла невосполнимый урон. Это можно отнести к достижениям немецкой разведки. Она получала точные сведения от местных жителей, сотрудничавших с ОУН и прибалтийскими националистами.

В то же время наши потери в значительной мере были обусловлены и низким уровнем боеготовности ВВС и ПВО к отражению нападения. В нарушение основных положений уставов об охране аэродромов и стратегических складов не были развернуты даже дежурные огневые средства. За это командованию ВВС и ПВО – известным героям-летчикам и генералам пришлось расплачиваться своей головой. Они были расстреляны летом – осенью 1941 года по сфальсифицированным обвинениям в измене Родине и вредительстве. Судьба Г. Штерна, Я. Смушкевича и других широко известна. Однако мало кто знает, что среди жертв этой трагедии были люди, попавшие в роковой список по инициативе местных партийных руководителей.

По сфальсифицированному обвинению был расстрелян в феврале 1942 года Герой Советского Союза, Герой испанской войны, командующий ВВС Юго-Западного фронта Птухин. Арестовали его и предали суду на основании специальной записки Никиты Хрущева, которую он передал Сталину, ставя как член Военного совета фронта вопрос об ответственности Птухина «за разгром советской авиации».

Однако немецкая разведка все же не сумела предсказать гитлеровскому командованию малую вероятность разгрома Советского Союза в краткосрочной летней военной кампании. Немцы не обладали исчерпывающими данными о нашем военно-экономическом потенциале, они вынуждены были опираться на агентуру из формирований оуновцев, грузинской, армянской и азербайджанской эмиграции, националистов Прибалтики, которые не имели доступа в наши экономические министерства и ведомства и в среду высшего и среднего звена советского военного командования.

Следует остановиться на важной операции немецкой разведки в самый канун войны. Весной 1941 года под видом туриста абвер направил в Советский Союз опытного оперативного работника. Нам, к сожалению, стало известно об этой акции только когда он уже покинул нашу страну. Но этот результативный разведчик был, по-моему, преждевременно «засвечен». Перед майором абвера Хольтусом, он же доктор Бруно Шульце, была поставлена задача собирать развединформацию о военно-промышленных объектах. Его поездка по изучению наших железных дорог пролегла по маршруту Москва – Харьков – Ростов-на-Дону – Грозный – Баку. Немцы стремились установить пропускную способность наших железнодорожных магистралей и предположительно разработать план диверсий, чтобы вывести их из строя. Шульце, возвратясь в Москву, передал собранную информацию немецкому военному атташе и уехал. Позже нам стало известно о его вояже, а также и то, что он получил указания подготовить диверсионные операции на наших нефтепромыслах в Закавказье и создать для этого специальную опорную базу в Иране.

Довольно странно то, что немецкая разведка Хольтуса, прошедшего довольно обстоятельное визуальное изучение наших объектов, вместо того, чтобы использовать его на диверсионной работе по этой линии, предпочла направить в качестве резидента диверсионной группы в Иран. По подложным документам секретаря-референта немецкой торговой компании Шульце – Хольтуса забросили в Тебриз, где он собирал разведывательную информацию, используя

агентов из числа армянских и азербайджанских эмигрантов. Там он попал в наше поле зрения. В итоге его разведгруппа была захвачена и уничтожена.

Абвер накануне войны обладал одним существенным преимуществом перед советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал специальный отдел по проведению разведывательно-диверсионных операций. При нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800» в составе национальных рот карательного батальона «Нахтигаль» («Соловей») задолго до начала войны. «Бранденбург» проявил себя в диверсионных операциях еще на Западном фронте. Потом он был передислоцирован на Восточный фронт. Этот немецкий спецназ привлекался и для обеспечения важнейших задач стратегического значения. Например, по нашим данным, полученным из Румынии, специальная рота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов. Начиная с февраля и до 15 июня 1941 года диверсионные подразделения были развернуты против нас, заняв выжидательные позиции. Штаб-квартирой батальонов полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии.

Надо подчеркнуть, что в 1940 году спецназ использовался немцами преимущественно в прифронтовой полосе. Например, полк «Бранденбург-800» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Салоникам немецких танковых дивизий.

На нашей территории свои диверсионные подразделения первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 года абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов—Гродно—Колынка—Рудники—Сувалки и захватили 10 стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм. Спецподразделение абвера сумело воспрепятствовать эвакуации и уничтожению важных секретных документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

15—17 июля, переодетые в красноармейскую форму украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» совершили нападение на штаб одной из частей Красной Армии в лесу под Винницей, но атака была отбита, нападающие рассеяны и частично уничтожены.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800», также замаскированные в красноармейскую одежду, захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву под Даугавпилсом. В ожесточенных боях абвер потерял командира подразделения, но все же рота удержала мост до подхода передовых частей немецкой армии «Север», рвущихся в Латвию.

29—30 июля тот же 1-й батальон, подкрепленный «Нахтигалем», занял Львов и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. Затем военнослужащие абвера и весь состав батальона «Нахтигаль» по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществили массовые казни еврейского населения, а затем и польской интеллигенции во Львове.

Оценивая действия немецкого спецназа, следует отметить, что учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», усиленный специальными ротами для выполнения особых заданий, был запланирован к использованию на совершенно других направлениях, в том числе для диверсионных действий против англичан на Ближнем Востоке. Однако немецкое командование сочло нужным в сжатые сроки переориентировать их вместе с опергруппами абвера и СД на расправу с противниками оккупационного режима в СССР, Греции и Югославии.

Давайте остановимся на двух особенностях подготовки немецкого спецназа и его использования в начальном периоде войны против нас. Во-первых, перед ним ставились узкие бое-

вые задачи действий в прифронтовой полосе и в ближайших тылах Красной Армии. Диверсий в нашем глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало. Во-вторых, формирование спецназа и агентурных групп в нашем тылу из эмигрантов противник вынужден был проводить, используя антисоветский и антироссийский потенциал только определенной части эмиграции. При существующем недоверии к белой эмиграции о массовой вербовке не могло идти и речи. Это существенным образом ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте.

Специальное подразделение абвера – штаб «Вали» для действий против СССР в условиях военного времени был развернут противником лишь к середине мая 1941 года вблизи Варшавы.

Кто руководил немецкой разведкой

Интересна судьба некоторых известных мне руководителей немецкой разведки. Почти все они после войны оказались захваченными нами. В плен попал полковник Э. Штольце, возглавлявший диверсионные операции абвера, заместитель генерала Лахузена, генерал Бентивини, под чьим руководством проводились контрразведывательные операции абвера за границей, генерал Г. Пикенброк начальник отдела «абвер – заграница» в 1938–1943 годах.

Показания захваченных в плен руководителей абвер рассылались в 1945–1948 годах для ознакомления начальникам самостоятельных служб и подразделений НКВД-МГБ СССР. Сейчас этим материалам уделяется недостаточное внимание. Между тем из их показаний видно, что, хотя подготовка к войне с Советским Союзом велась давно, конкретные задачи немецкой разведке по обеспечению нападения были поставлены лишь за один – полтора месяца до начала войны. Развертывание германских войск для наступательных операций началось буквально за несколько недель до 22 июня. Конкретные же задачи, поставленные перед абвером в начале июня 1941 года, ограничивались лишь изучением и планированием операций в пределах фронтовой полосы.

Что собой представляли руководители немецкой разведки? Например, шеф абвера—1 генерал-лейтенант Ганс Пикенброк был кадровым военным. Шеф абвера-2 генерал-майор Эрвин Лахузен руководил немецкой диверсионной работой против Англии, США и Советского Союза. Он стал работать в абвере лишь в 1938 году, перейдя из австрийской военной разведки после аншлюса Австрии. Но и до этого он тесно сотрудничая с немцами против Чехословакии.

Хотелось бы отметить еще один момент, связанный с судьбой руководителей немецкой разведки. Когда в 1943 году Гитлер разогнал абвер, передав его в аппарат под контроль службы безопасности СД, те, кто попал под подозрение как участники оппозиции Гитлеру, были отправлены общевойсковыми командирами на фронт.

Мне запомнились материалы допросов бывшего командира пехотной дивизии германской армии генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка. Человек, который, как уже говорилось, занимался агентурно-оперативной работой, был назначен командиром обычной пехотной дивизии.

Как следует из его показаний, никаких приказов, связанных с подготовкой плана «Барбаросса», он не получал, хотя приказы и установки в связи с подготовкой к войне с Россией существовали. В марте 1941 года об этом шел разговор с Канарисом и в то время полковником Лахузеном. Только в мае 1941 года он был проинформирован в самом общем виде о том, что война, возможно, начнется в первых числах июня 1941 года. Отмечу, что Пикенброк поддерживал рабочую переписку с начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом В. Типельскирхом, написавшим потом «Историю Второй мировой войны». Эта книга издана и у нас. В рабочих отношениях он был и с начальником отдела иностранных армий «Восток» полковником В. Кинцелем, которого сменил Р. Гелен, руководивший немецкой военной информационно-аналитической службой в годы войны и в 1950–1970 годы возглавивший разведку ФРГ.

По показаниям Пикенброка, задания военной агентуры накануне войны сводились в основном к проверке старых разведывательных данных по Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в приграничных округах.

Какие методы использовали немцы? Пикенброк говорил, что было направлено значительное количество агентуры в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях использовались германские подданные, ездившие по различным делам в СССР, а также проводился опрос лиц, ранее бывавших в СССР.

После пленения Пикенброка держали, как говорится, про запас. Не исключалось, что он мог понадобиться. Лишь 26 марта 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден, позднее, в 1955 году, репатриирован по амнистии в ФРГ.

Несколько слов о штабе «Вали» – специальном органе абвера по тайной войне против СССР. Его возглавлял Баум – специалист по России в звании майора. Это показатель того, что противник, уверенный в быстрой победе, не развернул против нас центральный аппарат абвера, надеясь, что он свою работу по агентурному проникновению, насаждению у нас нового порядка совместно со службой безопасности осуществит после решения главной задачи – молниеносного разгрома Красной Армии, который мыслился в основном в приграничном сражении. Недаром ведь 7 мая 1941 года руководитель военной разведки Канарис и немецкий военный атташе в Москве, докладывая Гитлеру о соотношении сил, высказывались о предстоящей войне как о быстротечной кампании.

Из анализа разведывательно-диверсионных операций противника в начале войны мы видим, что он был хорошо подготовлен и целенаправленно использовал против нас диверсионные группы в прифронтовой полосе. Нами был сделан вывод, что необходимо значительно усилить противодиверсионное обеспечение и охрану важных объектов в тылу. А ответные удары мы можем наносить специально подготовленными группами.

Спецназ следовало создать не для противодействия диверсиям, а для действий прежде всего на коммуникациях противника. Поэтому войска НКВД, хотя и создавались как бригада особого назначения, по своей организации и структуре были подразделениями не массовой подготовки диверсантов, а штучной. Эффективность их использования определялась тесным взаимодействием с агентурно-разведывательными боевыми группами, что давало возможность в кратчайшие сроки реагировать на те или иные повороты событий на фронте.

Второй момент – как известно, в канун войны немецкие спецслужбы в массовом порядке использовали примкнувшие к ним националистические элементы, которые стали основой диверсионно-разведывательных формирований и в ряде случаев должны были сомкнуться с бандитским движением для организации беспорядков в нашем тылу. Противодействуя националистическому подполью, мы в основном обезглавили его в прифронтовых районах. Однако ущерб от совместных выступлений националистов и немецких диверсантов на территории Прибалтики в июне – июле 1941 года все же был значительным.

Немцы и «мусульманский фактор»

Противник активно искал возможности задействия против нас так называемого «мусульманского фактора». Одним из агентов немецкой разведки был профессор «Идрис», татарин, ранее проживавший в Казани и получивший там университетское образование. Будучи участником Первой мировой войны, он попал в плен к немцам. Уже тогда сотрудники немецкой разведки собирали сведения среди русских военнопленных. В порядке обмена военнопленными «Идрис» выехал в Россию. А в 1922 году вместе с так называемой бухарской комиссией снова приехал в Германию. Тогда отношения между Германией и Советским Союзом улучшились. Но после окончания работы комиссии «Идрис» отказался вернуться в СССР и остался в Берлине. Он продолжительное время был внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству работал в Министерстве пропаганды, часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг «Идриса» группировались те, кто использовался на мусульманском направлении немецкой разведки. Противник готовился к тому, что Средняя Азия станет театром военных действий, при этом будут задействованы старые и проверенные кадры.

В мае 1941 года наряду со штабом «Вали» создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД) – это несколько подразделений, так называемых рефератов, в якобы научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока. Например, отделение «А» ведало материальным обеспечением, поставкой боеприпасов, радиоаппаратуры, взрывчатых веществ агентурно-диверсионным группам, которые планировалось забрасывать в тыл Красной Армии. Отделение «В» проводило агентурно-разведывательную работу на европейской части СССР. Отделение «Н» должно было организовывать диверсии на Кавказе. Подреферат «Д» проводил агентурно-разведывательную работу на территориях советских республик Средней Азии.

В мае 1941 года появилась специальная группа при рефератах по внедрению в агентурно-осведомительную сеть НКВД и органов госбезопасности. Важнейшей задачей ее было «раскрытие и ликвидация исключительно сильной агентурно-осведомительной сети ГПУ».

Координацией деятельности органов немецкой военной разведки, службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, хорошо известный разведке и контрразведке НКВД. Он, прекрасно владея русским языком, неоднократно встречался с нашим резидентом в Берлине в 1940–1941 годах А. Кобуловым. О судьбе Нидермайера во Владимирской тюрьме и о его смерти мы долго говорили с сотрудником Администрации Президента России и историком Л. Решиним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.